

Мария Ивановна Козьякова

История. Культура. Повседневность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9528797

История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от Античности до XX века. / Козьякова

М.И.: Согласие; Москва; 2013

ISBN 978-5-86884-147-7

Аннотация

Данная книга посвящена исследованию повседневной жизни Западной Европы и охватывает период с античных времен до XX века. Характер труда и досуга, обычаи, привычки, мир вещей, окружающих человека, раскрывается в контексте эпох. Историческая реконструкция повседневности того времени представлена в ключе социально-культурной антропологии, что позволяет поставить в центр внимания самого человека с его предметно-материальной и духовной деятельностью, образом жизни, мировоззрением.

Книга адресована преподавателям и студентам гуманитарных вузов, а также читателям, интересующимся историей культуры.

Содержание

Введение	5
Раздел I	12
Античная Греция	12
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	34
Античный Рим	40
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	58
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мария Ивановна Козьякова
История. Культура. Повседневность.
Западная Европа: от
Античности до XX века

Учебное пособие по культурологии для высших учебных заведений

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *А.С. Мигунов*

доктор философских наук, профессор *А.Я. Флиер*

Введение

«История – культура – повседневность» – именно так должен формироваться исследовательский алгоритм повседневности, и в такой же последовательности необходимо расставить приоритеты при описании этого феномена. Как и культура, повседневность исторична по своей природе, имеет пространственно-временную локализацию. Само ее настоящее «прорастает» из прошлого, определяясь им так же, как будущее определяется настоящим. Ее бытие немислимо без исторических корней, которые питают многовековое древо культуры.

Повседневность называют сферой «непосредственно переживаемой истории» (Г. Кнабе): то, что стало теперь прошлым, было когда-то повседневной жизнью людей, некоей обыденной привычностью вещей и поступков, ситуаций и чувств. Толковые словари определяют повседневность как нечто ежедневное, постоянное, обычное. Действительно, она постоянна, оставаясь неизменным атрибутом человеческого существования, но одновременно, в силу многократных повторов, обретает подвижность и вариативность. Она способна накапливать, аккумулировать прошлый опыт, запечатлевать его в виде естественной данности, передавая затем, как эстафету, будущим поколениям. И в то же время она изменчива, подвержена разного рода влияниям – каждая эпоха говорит на своем языке.

В пространстве жизни отдельного человека бытовая повседневность – заданная константа, так же как время и место, где довелось ему родиться. Быт – это обычаи, привычки, модели ежедневного поведения, тот жизненный уклад, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, правила любовной игры и ритуал похорон. Они имеют социальную окраску, разнятся в зависимости от ранга социальной группы, к которой принадлежит человек. Это обычная жизнь, «вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение». Именно по поведению, по обычаям узнаем мы «своего» и «чужого», человека той или иной эпохи, той или иной нации, – так характеризует быт Ю. Лотман.

Самому современнику мир окружающей его повседневности незаметен, он естественен, как собственная кожа, как воздух, которым он дышит. Его своеобразие оценивается постфактум, при неких трансформациях, в которых утрачивается привычный обиход. Чужим для данной среды обитания будет иностранец, турист или путешественник, в силу тех или иных причин оказавшийся в непривычных для него условиях. Посторонним наблюдателем оказывается и историк, пытающийся реконструировать прошлое.

Из всего многообразия исторических тем, направлений, областей исследовательской активности, будь то политика, экономика, религия или искусство, повседневность наиболее тяжело поддается реконструкции. Повседневные практики создаются коллективной традицией, а творчество в этой сфере всегда безымянно. Особенно упорно хранит свои тайны «молчаливое большинство», не владевшее письменностью. Единичное «Я» там растворяется в массовом, в господствующих стилях жизни и способах времяпрепровождения, стереотипах поведения или языковых клише. Именно здесь еще сохраняется давно исчезнувший в других областях жизни заповедник «неотрефлексированного блаженства» (С. Кьеркегор), поскольку повседневные практики, как правило, не поддаются рефлексии. Генераторами их специфических особенностей выступают приметы времени, модальные императивы эпохи. Они потребляются в известной степени бессознательно, и это отмечает, например, Э. Гидденс, концептуализируя феномен рутины.

Повседневность принадлежит к наиболее значимым культурным универсалиям, являет собой базисную, фундаментальную структуру. В различных гуманитарных науках данный феномен воспринимается и оценивается не однозначно, что вытекает как из истории вопроса, так и из отсутствия единого представления о самом культурном универсуме. Кон-

цептуальные различия исследовательских подходов к изучению культуры формируют теоретическое богатство разнообразных научных направлений, в том числе эволюционизм, психологическую антропологию, структурную антропологию, постструктурализм и др. При всех отличиях проблемных полей и методов исследования, в них существуют, однако, общие представления о познавательном статусе категории «культура», имеющем не онтологический, но гносеологический смысл.

Многообразие дефиниций можно свести к двум основным позициям: в одном случае культура составляет измерение в ряду других, предназначенных для анализа социального действия, конкретно – для символической и ценностной сферы. В другом случае культура понимается как особая упорядоченная селективная область феноменов, противопоставляемая «природному» (Э. Орлова). Различия этих трактовок не абсолютно, но относительно, так как в обоих случаях речь идет о мире искусственных феноменов, о созданной людьми искусственной среде существования и самореализации. В более узком смысле искусственность понимается как сфера символического пространства. «Область культуры всегда область символизма» (Ю. Лотман).

В культурной антропологии человек изучается через взаимодействие со своей материально-предметной и социокультурной средой. Человек и среда, человек в среде, их взаимосвязь и взаимовлияние – такова доминирующая установка. Из жизненных сфер именно повседневность наиболее полно концентрирует в себе заданный класс феноменов, понимается ли под ней содержание совместной жизни людей, совокупность символических материальных объектов (артефактов), образцы человеческих отношений, нормы и регуляторы социальных взаимоотношений людей. В этой сфере культура обретает свою онтологическую сущность, поскольку именно повседневность тождественна наиболее общей, максимально расширенной типологии «человеческого, просто человеческого».

На протяжении длительного времени понятия «культура» и «повседневность» существовали автономно. Их пути не пересекались ни в научных трактатах, ни в обыденном представлении, и потому долгим и тернистым был их путь навстречу друг другу. С XVII века понятие «культура» существует как термин, как самостоятельная дефиниция (С. Пуфендорф, Г. Лейбниц). Это понятие актуализируется Й. Гердером как результат просвещения, как цвет бытия народа, изящный, но бранный и хрупкий. И. Кант формулирует «культуру умения» и «культуру воспитания», апеллируя к нравственному совершенству и долгу. В идеалистической философской системе Г. Гегеля она предстает как инобытие Абсолютной идеи и тем самым являет собой некий высокий уровень абстракции. Но, с другой стороны, культура в его представлении тесно связана с духом народа и потому выступает в форме творений, создаваемых этим народом. Гегель выделяет культуру «теоретическую» и «практическую», моральную и интеллектуальную, закладывает основы культурной иерархии посредством ранжирования «высших» и «низших» культур.

Неокантианцы Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Э. Кассирер продолжили идеалистическую линию в трактовке феномена культуры, предложив ее ценностную, смысловую концепцию. Над «миром вещей» и «миром идей» находится «мир смысла», мир ценностей, который являет собой самостоятельное царство. Это царство, лежащее над бытием, по ту сторону субъекта и объекта, и есть мир культуры. Следует, однако, остановиться на одной из дефиниций, данной Г. Риккертом, где он обосновывает смысл понятия культуры через противопоставление с природой. Эта идея оказалась плодотворной в концептуальном смысле, особенно для изучения повседневности, поскольку она определяет культуру в ее максимально широком, антропологическом аспекте: «... природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и представлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как нечто, что непосредственно создано человеком.»

Двойственность и известная поляризация смыслов прослеживается и в истории эволюции концепции культуры на отечественной почве (А. Шендрик). Как отмечают исследователи, понятие «культура» получает в России распространение в первой половине XIX века. Оно первоначально бытует в тех кругах интеллигенции, которые были связаны с образовательной или издательской деятельностью: в среде литераторов, издателей, в профессорско-преподавательском корпусе. Смысловая аура понятия «культура» весьма близко соприкасается, а то и отождествляется с понятиями «образование», «воспитание», «просвещение». Именно в этом смысле трактовали культуру русские философы, заложив тем самым традицию ее использования в среде русской интеллигенции: культура «аристократична» по своей сущности, она связана с сакральным культом, традициями, «жизнью религиозной» (Н. Бердяев); «с миром божественного» (В. Соловьев); она есть «система отвлеченных идей» (К. Леонтьев); она «духовна по своей природе» (И. Ильин). В трактовке символистов (А. Белый) культура понимается так же однозначно – исключительно как духовная.

Иная линия интерпретации феномена культуры идет от социальных реалий отечественной истории. Необходимость повышения культурного уровня народных масс была провозглашена насущной задачей в период «социалистической культурной революции». Тем самым был дан старт широкому распространению данного понятия в обиходной речи и одновременно его нарративной трансформации как совокупности норм и правил поведения, как определенного интеллектуального стандарта: «культурный человек», «культурное поведение». Данный процесс происходил одновременно с утверждением в качестве официальной идеологии марксизма с его приматом – материально-производственной доминантой. И потому в обществе закрепились понятия «культура производства», а также другие культурно-отраслевые гибриды: «физическая культура», «правовая культура». В планово-хозяйственной системе СССР сложилась практика применения данного концепта в узкоотраслевом смысле: культура как отрасль народного хозяйства. К ней относились библиотеки, музеи, клубы и другие учреждения непродуцированной сферы, выполнявшие образовательные, воспитательные, рекреационные функции. Именно с подобной отраслевой системой связана уникальность отечественного термина «учреждение культуры». Естественно, феномен повседневности с присущими ему характеристиками тривиальности и рутины не мог быть соотнесен ни с высокими творческими интенциями интеллектуально-художественной деятельности, ни с идеалом культуртрегерских новаций.

В свою очередь, повседневность как важнейшая и «вечная» тема культуры также имеет длительную историю. В различные исторические периоды она воспринималась и оценивалась по-разному. Начиная с эпохи Возрождения, повседневность получает аксиологическую привязку к сословным (социальным) параметрам и рефлектируется как компонент низовых пластов культуры. В просветительской парадигме она обретает негативный оттенок вследствие формирования рационалистических установок. Они задают жесткий лого-центристский подход к исследованию жизненных реалий, противопоставляют природу и человека, теорию и практику, чувства и разум. Концептуальный императив рациональности становится важнейшим компонентом культуры Нового времени.

Антиномия природы и человека, чувства и разума обусловили «разрыв» реальности, эссенциализм как важнейший компонент культуры Нового времени. В социально-философских учениях развивается идея прогресса человеческого общества, основанного на принципах разума и общественного блага. Прогресс достигается усилиями людей, и человек предстает творцом и демиургом, призванным перестраивать исторические процессы и институты в соответствии со своей природой и своими нравственными идеалами. Ориентируясь на мир логики и порядка, устойчивых структур и процессов, прогрессистский идеал отрицал бытовой план человеческого существования. Место повседневности отныне было определено в

одном ряду с традиционализмом и патриархальностью, ставшими синонимом невежества и суеверия.

Эссенциализм и фундаментализм правили бал и в XX веке. Здесь коренились истоки многих доктрин, базирующихся на жестком детерминизме и нормативности, отсюда во многом исходила тоталитарная практика. Разрушался «старый мир», строился «новый», имеющий определенный план, структуру, порядок. Очерчивая исследовательское поле, классическая парадигма сознательно сужала его, априорно исключая многие сферы, в том числе мир повседневности, «жизненный мир» человека в широком смысле. Из этих методологических установок вытекало и естественное для классического мировоззрения презрение к этой сфере как заведомо более «низкой», которая должна быть «преодолена», «реорганизована» на основе теоретических моделей. Однако то, чем пренебрегала классика, оказалось чрезвычайно важным для природы человека, для общества и культуры. Кризисные явления мировой истории послевоенного периода, в том числе застой в экономике, экологический кризис, динамичные социальные, политические, культурные процессы заставили по-иному взглянуть на многие ранее незыблемые постулаты.

Аксиологическая трансформация темы относится уже ко второй половине XX века. Она связана с поиском новых фундированных оснований культуры, с попытками преодолеть кризис европейской науки, с критикой техногенной цивилизации. Постмодернистская парадигма, ориентированная на решение этих проблем, вновь побуждает обратиться к традиционалистским ценностям, среди которых внимание к бытовому плану как к важнейшему аспекту человеческого существования. Обретение смыслообразующих пластов культуры означает восстановление доверия к реальности, составляющей почву «жизненного мира». Реалии быта, обыденное сознание, материально-предметная среда, окружающая человека, осознаются как существенный модус человеческого бытия, как особая культурная ценность. Вследствие этого разнообразные проявления повседневной жизни, долгое время остававшиеся на периферии научного интереса, постепенно перемещаются в центр внимания, воспринимаются как информативно-насыщенные, репрезентативные социокультурные индикаторы. «Жизнь как она есть», «жизненная стихия» привлекает все больший интерес специалистов, формируются новые направления исследований: «история повседневности», «эстетика повседневности», «социология повседневности».

На новом этапе культуре повседневности возвращается ее незаслуженно забытое прошлое, в том числе гармония античной рациональности, теодицея средневековой утилитарности, всеобъемлющий ренессансный антропологизм. Для истории культуры, расширяющей сферу исследования, включающей в свой арсенал инновационные стратегии, открываются новые возможности в плане восстановления и сохранения культурного кода, заложенного предшествующим историческим развитием. Особое место занимают исследования историков и культурологов школы «Анналов» («Новая историческая наука») – одной из самых влиятельных в области исторической науки и теории культуры, воплощающей в себе культурно-антропологический подход в изучении исторического материала. Она дала толчок формированию таких направлений и дисциплин, как историческая демография (история семьи и брака, сексуального поведения), история питания, отношение к смерти (танатология).

Повседневность, превратившись в один из ключевых объектов современного гуманитарного знания, в различных научных школах, тем не менее, трактуется неоднозначно. «Неуловимая» и «ускользающая», она играет в основном регулятивную роль в отборе материала. Данная категория функционирует как «рамочный синдром», позволяя включить в себя неспециализированную деятельность, обыденное сознание и бытовую материально-вещественную среду. Ее смыслообразующее ядро составляет семантика тривиальности, некоего регулярно повторяющегося действия, бытовой вещественной формы,

становящихся в силу этого привычными, заурядными, обыденными. Повседневность – нерелефлируемая очевидность, мир «естественной установки», «стихийности бытия» с ее бесконечной вариабельностью мелочей, неуловимых и ускользающих от внимания исследователей. И в то же время она – «продукт социального конструирования». Здесь действуют логики практики, логики коммуникационной, аффективной и символической интеграции (Н. Козлова).

В таком аспекте повседневность целиком и полностью может быть отнесена к культурологическому дискурсу и определена как содержание совместной жизни и деятельности людей, за исключением специализированной деятельности, художественных и раритетных предметных форм, а также исторически сложившихся форм общественного сознания. Эта жизнедеятельность понимается не в биологическом, а в социальном и культурологическом смысле, когда люди «вообще функционируют» (Ж. Ле Гофф), т. е. как технология жизнедеятельности. Именно она делает человека человеком, формируя и оттачивая его человеческие качества.

Трактуемая подобным образом, повседневность уподобляется «жизненной стихии», наглядно проявляя свою асобытийность: мелкие факты, едва заметные во времени и в пространстве, повторяясь, обретают всеобщий характер, распространяются «на всех уровнях общества, характеризуя его образ существования и образ действия, бесконечно его увековечивая» (Ф. Бродель). Эта «бесконечность» делает повседневность в известной степени не – или точнее – внеисторичной. С точки зрения «жизненного мира» повседневности культура предстает не как событие, а как процесс. Событие, являющееся краугольным камнем традиционной историографии, исчезает, растворяясь в энтропии повседневного. Более всего здесь подойдет обоснованная Ф. Броделем и используемая школой «Анналов» категория длительного исторического времени – *Longue duree*. Используя образные сравнения, можно представить повседневность в виде вещества истории, ткани исторического платья. Она расплывчата и неопределенна, и традиционная событийная история только «держит» эту субстанцию своими временными рамками, почти не влияя на нее.

Вопрос о собственных организующих (структурирующих) началах повседневности крайне сложен из-за ее полиморфизма и стихийности. Важнейшее из них – социальная структура, определяющая социальную иерархию, ранжирующая «верхи» и «низы» тех или иных сообществ. Для «низовой» массовой культуры, представляющей глубинный уровень повседневности, характерны стабильность и консерватизм, устойчивость к переменам, она в значительной степени питается патриархальными традициями – «почти неподвижная история». Так называемая культура «элиты» более лабильна, подвержена воздействию инноваций, иногда сознательно берущихся на вооружение господствующими группами (сословиями, классами).

Господствующие слои устанавливают и поддерживают политические и социальные структуры, нормы и правила социального взаимодействия, обеспечивающие определенные интересы. «Верхи» общества определяют ценностные ориентиры, создают иерархические порядки, диктуют идеологему. Символически осваивая окружающий мир, они «перерабатывают» повседневность в стиль, формируют этический, эстетический, религиозный, интеллектуальный идеал эпохи. Стиль (стилизация, стилевая эволюция) также структурирует повседневность, задавая алгоритм ее развития. Являясь некой культурной целостностью, он влияет как на материально-предметный мир, так и на поведенческую сферу, проявляясь в речи, поведении, манерах и др. Это, говоря словами Й. Хейзинги, «всеобщее моделирование жизни, духа и внешнего облика». Утонченное искусство жить, преобразуя формы жизненного уклада в художественные, предъявляя высокие требования к индивидуальному стилю жизни – занятие элитарное, на котором «лежит отпечаток аристократичности».

История культуры имеет традиционную периодизацию, позволяя выделить греческую и римскую античность, Средние века, Возрождение и Новое время. Каждая эпоха создает особый тип повседневного быта, обладающего специфическими чертами, стереотипами сознания и поведения, имеющего определенные материально-вещественные структуры. И потому в книге рассматриваются некие доминанты, определяющие ментальность и образ жизни человека данной эпохи (агональность греческого мира, патриархальность римской античности, милитаризм и теоцентризм Средневековья и др.). Тематика повседневности предваряется кратким историческим обзором, в котором освещается внешняя и внутренняя политика, культура ведущих стран (регионов), представлен материал, отражающий историческую специфику данного периода, в том числе персоналии.

Античный гражданин и раб, средневековый рыцарь и священник, дворянин и буржуа Нового времени – в книге широко используется типологический принцип, при котором выделяются обобщенные поведенческие модели (паттерны). Важная часть повседневного – «женский мир»: положение женщины в обществе, матримониальное поведение в различных социальных группах, нормы сексуальной морали, отношение к детям. Детство рассматривается как период подготовки к самостоятельной (взрослой) жизни, вхождения человека в общество. «Вечные» темы культуры – любовь и смерть – менее всего поддаются регламентированию и унификации: здесь биологическая природа человека проявляется эмпирически наглядно. Эти узловые моменты создают вокруг себя культурное пространство – особые этические и эстетические нормы, ритуалы, обычаи, символы. Так, смерть стала одним из универсальных языков культуры (Ю. Лотман), «экраном», на который проецируются все жизненные ценности (А. Гуревич), что демонстрирует, например, феномен макабра. Подобным образом каждый исторический период порождает свой ряд культурных феноменов, связанных с эросом – античный гетеризм и средневековый культ Прекрасной дамы, ренессанскую куртуазность и галантность Нового времени.

Важную роль в повседневной жизни играет труд и досуг, отдых и развлечения, праздники, которые тоже являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Столетия европейской истории демонстрируют широкий диапазон аксиологических метаморфоз: модифицируются старые ценности, возникают новые, соответствующие духу времени, соотносящиеся с техническим, материальным уровнем развития общества.

Материально-предметная среда, окружающая человека – пища, одежда, жилище – иная сторона повседневности, находящаяся в неразрывном единстве с поведенческой, деятельностной сферой. Предметный мир обладает не только чисто утилитарными, прагматическими характеристиками. Он наделяется знаковым, символическим кодом определенных смыслов и значений, говорит «языком» культуры – те или иные предметные реалии создают в своей совокупности некий культурный контекст.

Сфера жизни, связанная с питанием, является существенной частью повседневности. Она включает в себя не только вещественное содержание, пищу и утварь, но также убранство стола, манеры поведения, стереотипы массового сознания, относящиеся к еде. История питания свидетельствует, что традиции и привычки, связанные с едой, тотально консервативны. Новации, внедрившиеся в этой сфере, как правило, насаждались «сверху». Об этом свидетельствует как европейская триада, оставшаяся неизменной еще со времен античности – хлеб, мясо, вино, – так и «продовольственные революции» (Ф. Бродель), сформировавшие современный тип питания. Именно новшества, недоступные большинству населения, а также пищевая роскошь выделяли элитарные слои. И наоборот, основные продукты, особенно хлеб, стояли в центре картины мироздания, формировали бытовой обиход основной массы людей.

Жилая среда и ее эволюция, а также урбанизация – важные реалии мира повседневного. У городского и сельского жилища разная «судьба», различная динамика развития, отра-

жающая специфику городского или сельского быта. Город противопоставляет округе иной, особый образ жизни, он господствует над ней, эксплуатирует ее (Ф. Бродель). Деревенские дома практически не имеют «возраста»: на протяжении столетий они остаются неизменными. В отличие от них городская жилая среда динамично меняется: города перестраиваются, появляется регулярная застройка, в массовое употребление входит транспорт. Большое влияние на устройство жилища, его оформление, предметы обихода оказывает смена художественных стилей. Интерьеры и мебель, изменяющиеся от века к веку – привилегия элитарного образа жизни.

Завершающая глава каждого раздела – история костюма. Одежда, помимо своего прямого назначения, выполняет социальную, эстетическую, этическую функции. На протяжении многих веков она символизировала положение владельца, для чего вводились принудительно установленные статусные отличия. И в этом контексте любая деталь – пурпурная полоса или красные каблуки – могут дать содержательную характеристику времени. Начиная с эпохи Возрождения, европейский костюм – сфера динамически ритмизированная, в его стилистике выражается эстетический идеал эпохи. Стилистическая эволюция, характерная в первую очередь для элитарных слоев, распространялась, однако, в той или иной мере на всю городскую культуру, для которой характерны более простые, «сниженные» формы. Происходящий в финале этой эволюции «распад стилей», установившееся принципиальное единообразие свидетельствовали о демократизации костюма. Гражданское платье унифицируется, а мода из привилегии высшего сословия превращается в механизм социального регулирования.

Завершая введение, следует отметить, что данная книга представляет собой первый опыт систематического изложения истории повседневности. Речь идет не о новизне предлагаемого читателю эмпирического материала¹, а только о его системности, определенной структурной целостности и собственной логике изложения. Выстроенный подобным образом, он дает возможность по-новому взглянуть на феномен повседневного. Интерес к нему общества понятен в свете реалий современности: это внимание к сфере человеческого бытия, потребность в гуманизации технизированной среды, распространение постмодернистского «духа ретро» с его «тоской по истории», поиском утраченных корней. Вновь и вновь возвращаемся мы в свою повседневность, обретая самих себя. Человек нуждается в ней как в своей естественной «среде обитания», как в воздухе, которым дышит, не замечая этого. Недаром, говоря о теме повседневности, обращение к ней социологи именуют «возвращением домой» (А. Шютц).

Цель данной книги – показать становление западноевропейской цивилизации, ее «историю», прослеженную на уровне повседневности. Длющаяся бесконечно, она повторяется из века в век и от поколения к поколению, медленно эволюционируя вместе с самим человечеством.

Этим путем предлагает автор пройти читателю нашей книги. Она предназначена для тех, кто изучает или преподает историю культуры, а также для всех читателей, интересующихся ею.

¹ Он давно уже был известен отечественным специалистам, посвятившим свои исследования тем или иным историческим периодам, странам, аспектам истории культуры. Зачастую повседневность присутствует в их работах как исторический фон, а не как объект изучения. Среди известных исследователей – Баткин Л.М., Брагина Л.М., Бессмертный Ю.А., Гуревич А.Я., Карсавин Л.П., Кнабе Г.С., Лотман Ю.М., Мерцалова М. Н., Ястребицкая А.Л. Многие из трудов этих авторов, ставшие классическими, неоднократно цитируются и используются в данной книге.

Раздел I Античный мир

Античная Греция

Гомеровская Греция (XII–VIII вв. до н. э.) и архаика (VII–VI вв. до н. э.)

Эпоху античной полисной цивилизации предваряет период Гомеровской Греции. Главными письменными источниками исторических сведений о греческом обществе являются поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Общество того времени – переходное; оно представляет собой сложную организацию с признаками имущественной и социальной дифференциации. Различают несколько групп: знать, рядовые общинники, беднейшие члены общины (поденщики-феты), рабы. Родовая знать, как их называет Гомер, – «лучшие», «добрые», противопоставляется «низким», «скверным» людям – рядовым общинникам. Претензии на особое положение аристократия обосновывает своим якобы божественным происхождением: «богом рожденные» и «богом вскормленные». Богатство обеспечивает ей командные позиции как в военное, так и в мирное время.

Освященным традицией институтом, средоточием политической власти уже в гомеровское время является народное собрание. Политический строй гомеровского общества – восходящая к общим индоевропейским корням военная демократия, для которой характерно всеобщее вооружение народа. Наряду с элементами народовластия эта система подразумевает и личную власть, которая принадлежит «царям», т. е. предводителям племен и родов, племенным вождям – *басилеям* (басилевсам).

Повседневная жизнь того времени примитивна и груба. Аристократы так же, как и простые общинники, занимались физическим трудом. Они сеяли, пахали, женщины ткали, пряли, стирали белье.

Следующий период развития Греции – архаика – время коренной ломки устоявшегося жизненного уклада и изменения всей системы ценностей. За два века Греция сделала решительный шаг от варварства «героической эпохи» к цивилизации нового типа. Важные сдвиги происходят на фоне широкой территориальной экспансии греков, названной «великой колонизацией». Ее главная причина – перенаселенность материковой Греции. Переселенческая волна в VIII в. покатила прежде всего на запад, в Италию и Сицилию (юг Италии был буквально усеян греческими поселениями) и далее вдоль побережья Южной Франции и Испании. Она распространилась также на северное побережье Черного моря, где было основано много больших колоний, достигла Малой Азии и Египта.

Колонии и метрополия поддерживали прочные дружественные отношения, войны и распри между ними были редки и считались нарушением обычаев. Колонии нуждались в простых предметах обихода: утвари, одежде, оружии, инструментах, а также в вине и оливковом масле. Это способствовало бурному развитию ремесел, торговли и мореплавания, которое, в свою очередь, требовало совершенствования в искусстве кораблестроения. Знакомство с иными культурными традициями, нравами, обычаями, религиями обогащало духовную жизнь греков. Особенно сильное влияние на греческую культуру оказали древние цивилизации Египта и Малой Азии.

Вместе с торговлей развиваются и товарно-денежные отношения, появляются (VII в. до н. э.) монеты². Все это ведет к расслоению общества, изменению его структуры: торговцы богатеют и делаются уважаемым классом, увеличивается число ремесленников и усиливается их влияние.

Важнейшая черта архаического периода – становление политической системы, возникновение городов-государств (*полисов*). Они создавались вследствие добровольного или принудительного объединения нескольких ранее независимых общин. Этот процесс получил название *синойкизма*. Основателем Афин считался легендарный царь Тесей, объединивший 12 сельских поселений. Полис конституируется как община равноправных граждан, коллективных собственников, владеющих землей, а позднее, в эпоху классического рабства, – рабами. Только принадлежность к общине дает право на владение собственностью и защищает ее.

Социальные перемены провоцируют противостояние аристократии и *демоса*. В каждом полисе эти проблемы решаются по-своему, с помощью тех или иных реформ. В Афинах они были проведены Солоном (VII–VI вв. до н. э.), выбранным архонтом. Самые значительные из них – списание долгов граждан и запрещение долгового рабства, а также введение имущественного ценза. Реформы, будучи компромиссом, не удовлетворили ни демос, ни аристократию. На волне этого недовольства приходят к власти тираны, самолично объявляя себя правителями и захватывая власть насильственным путем.

Классический период (V–IV вв. до н. э.) и эллинизм (III–I вв. до н. э.)

Основной чертой Греции этого периода являются классическое рабство – к V в. до н. э. эта система уже сложилась. Важнейшая отрасль экономики – сельское хозяйство, где господствует так называемая средиземноморская сельскохозяйственная триада – в основном выращиваются зерновые, оливки и виноград (производится виноградное вино). Появились большие ремесленные мастерские (*эргастерии*), где работали сотни рабов, но были и маленькие, в которых трудились сам хозяин и один-два раба. Бурно развиваются ремесла и строительство. После разрушительных греко-персидских войн многие города в Греции нужно было отстраивать чуть ли не заново. Афины становятся «мастерской мира», поставляя в другие страны первоклассные товары, например, керамику. Прибрежные полисы создают военно-морской и торговый флот.

Параллельно становлению классического рабства идет процесс демократизации, и в середине V в. до н. э. в Греции утвердился классическая форма античной демократии. Впервые в истории были не только сформулированы, но и получили реальное воплощение принципы народовластия. Два самых ярких примера политических систем того времени – Афины и Спарта. В Афинах сформировалась уравнительная система, так как все граждане, независимо от богатства или знатности, имели равные права: свободу слова, равенство перед законом и в занятии должностей. Эклес-сию (народное собрание) Афин, являющуюся высшим органом власти, характеризует исключительная для Древнего мира суверенность: никто не мог ограничить ее компетенцию. Единственный метод воздействия на собрание – убеждение, и потому люди, владевшие ораторским искусством (*демагоги*), становились народными вождями. Гражданами являлись только свободнорожденные жители города (мужчины старше 20 лет). Таким образом, бесправными оставались женщины, иноземцы (*метеки*) и рабы.

² Считается, что их начали чеканить лидийские цари, которые славились своим богатством, а имя одного из них стало нарицательным – «богат, как Крез».

Истоки спартанской политической системы коренятся в истории образования Спарты: когда племена дорийцев заняли Пелопоннесский полуостров, они превратили в рабов покоренное местное население (*илотов*). Спарта – подчеркнуто аристократическое государство. Спартиаты – профессиональные воины, не занимающиеся физическим трудом. Чтобы обеспечить им пропитание, всю землю поделили на участки, закрепив их за семьями. Народное собрание – *апелла* – не играло существенной роли. Формально власть принадлежала двум спартанским царям, но существовали важные должности *эфоров* (судей), а также *герусия* – совет, куда, кроме царей, входили 28 старейшин, знатных спартиатов в возрасте старше 60 лет.

В начале V в. до н. э. Персия, сильнейшая держава Древнего мира, начинает экспансию на запад. Грекоперсидские войны (500–449 гг. до н. э.) известны своими драматическими эпизодами: героической обороной Фермопил и гибелью там 300 спартанцев во главе с царем Леонидом, разрушением Афин, морским сражением у о. Саламин, описанным Эсхилом. Победы, одержанные греками, отразившими агрессию, придали высокий настрой классическому периоду. Афины переживают свой экономический, политический и культурный расцвет, становятся центром греческого мира. В это время, названное по имени крупнейшего афинского государственного деятеля «эпохой Перикла», создается классическая культура античной цивилизации, в частности такие знаменитые памятники архитектуры, как Парфенон, Пропилеи и др.

Далее начинаются конфликты между двумя союзами греческих полисов: Пелопоннесским союзом (во главе со Спартой) и Афинской архе (во главе с Афинами). Пелопоннесская война, длившаяся почти 30 лет, стала величайшим потрясением для эллинов, «учителем насилия», по словам Фукидида. После победы Спарта захватила полную власть над полисами. В IV в. до н. э. Афины постепенно оправляются от поражения, на главенство претендуют и другие полисы, в частности Фивы. Войны становятся все ожесточеннее и глобальнее, в них втягиваются все новые города, полисы слабеют, не замечая растущую опасность со стороны усиливающейся Македонии. После проигранной битвы объединенного греческого войска с македонцами в 338 г. до н. э. у города Херонеи греческие государства фактически потеряли свободу. Верховная власть окончательно перешла к Македонии несколько лет спустя, когда Александр Македонский безжалостно подавил восстание в Фивах, отдав их на разграбление.

Эпоха эллинизма начинается походами Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.), великого полководца древности. Ему, по сути, понадобилось всего три года, чтобы завоевать Персидское царство. Он совершает легендарные походы в Египет, Индию и завоевывает огромные территории: от Дуная до Инда и от Египта до Средней Азии. После смерти Александра власть перешла в руки его ближайших преемников-полководцев, которые почти полвека сражались между собой за раздел наследия (борьба *диадхов*). Держава, созданная Александром, – самое крупное государство Древнего мира, завершающее историю классической Греции и Древнего Востока, – распалась после его смерти на ряд эллинистических царств: Птолемеевский Египет, монархию Селевкидов в Малой Азии, царство Антигонидов, включавшее Грецию, Македонию и ряд других.

Эллинистическая монархия соединяла элементы восточной деспотии – обожествляемую власть царя, имеющего постоянную армию и администрацию, – и полисного устройства.

Греция переживает экономический упадок, а ее население заметно сокращается. Отныне она становится бедной страной с малочисленным населением, сохранившей, тем не менее, замечательные памятники культуры. Почти все крупные центры, где продолжает развиваться греческая культура, торговля и ремесла, находятся за ее пределами. На западе растет и крепнет Рим. Отдельные полисы не могут противостоять экспансии Римской дер-

жавы. Покоренная Греция в середине II в. до н. э. превратилось в одну из римских провинций – Ахайю. Последним пал Птолемеевский Египет. На месте эллинистических монархий возникли обширные римские провинции.

Глава 1

Агональность греческого мира

Агон и досуг

Одной из важнейших характеристик, определяющей наиболее существенные черты греческой культуры, является агональность³. *Агон*, *агональность* – это состязание, состязательность, «игра» в широком смысле слова. В Греции агон уже на раннем этапе истории занимает важное место, имеет высокий статус. Стремление к состязаниям почти во всех сферах жизни становится главным принципом греческого общества, структурообразующим элементом общественной жизни. «У греков было принято состязаться во всем, что заключало в себе возможность борьбы»⁴. Агон и агонистика формируют повседневную жизнь, превращаясь в традицию, глубоко укоренившуюся в обществе. Агональность присутствует в политической, военной и правовой сферах, это состязание в мудрости, мужестве, богатстве, красноречии. В агоне и из агона рождается греческая философия. Классическими примерами могут служить диалектика, которая первоначально воспринималась и трактовалась как «искусство нахождения истины через раскрытие противоречий в высказываниях», а также философские диалоги (например, диалоги Платона), вытесненные в эпоху эллинизма диатрибами⁵. Параллельно развивается риторика. Декламация празднует в античной Греции победу. Выступления, в том числе на народных собраниях, – это состязание в красноречии, спектакль, поединок: кто из ораторов окажется наиболее доказательным или просто больше понравится публике, кто убедит собрание, за кем пойдет народ.

В сфере быта агон проявляется в виде коллективных развлечений. Большой популярностью на пирах пользуются всевозможные состязания в остроумии, шарады, загадки, такие, как *апории* – вопросы, на которые нет однозначного ответа. Агон, постоянно присутствующий в обычной жизни, выражался в разных формах. Например, раз в год на празднике, посвященном Деметре, проводился конкурс младенцев: все дети, рожденные в течение года, представлялись на суд жюри, и матери самого красивого младенца присуждался приз. Дух состязательности очень древний, он запечатлен в мифах, в том числе в легенде о Парисе, который должен был присудить яблоко красивейшей, или об Арахне, состязавшейся с Афиной в искусстве прядения. Агональный характер греческой культуры ярко проявлялся в греческом театре и спортивных играх, в певческих, музыкальных и танцевальных состязаниях.

Агон тесно связан с феноменом досуга. Досуг воспринимался греками не в узкоутилитарном смысле физического отдыха, восстановления утраченных сил. Это была самоценная и самодостаточная сфера существования – высокий Досуг. Исключив тяжелый физический труд и вообще всякий труд, цель которого – «зарабатывание» на жизнь, эллинские граждане освободились для более высоких, по их мнению, занятий: искусством, спортом, интеллектуальной деятельностью. Поэтому досуг в греческом обществе рассматривался как конечная цель существования благородных греков – «людей свободнорожденных и культурных». Аристотель писал, что досуг включает в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь и предназначен незанятым людям, тем, кто может им пользоваться⁶. Высокий Досуг

³ Понятие «агонального» ввел в научный обиход Я. Буркхардт.

⁴ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. М., 1992.

⁵ Диатрибы – назидательные беседы, философско-моральные проповеди.

⁶ Концепция досуга сформулирована в работе Аристотеля «Политика» (*Аристотель*. Соч. М., 1984. Т. 4).

заполнялся разнообразными занятиями: литературой, философией, искусствами, дружеским общением на симпозионах. Интеллектуальные ценности доступны далеко не всем, на среднем уровне они вытеснялись уже привычными и потому будничными занятиями спортом, пребыванием в гимнасиях и на агоре.

Существовали и другие виды отдыха: игра в кости, петейя (игра, похожая на шашки или шахматы, ее правила не сохранились). Популярны были такие азартные игры, как бои животных (петухов, перепелов, кошек, собак), на которых имелся тотализатор и можно было проиграть или выиграть крупное состояние. Например, в петушиных боях участвовали специально выращенные бойцовые петухи, которых перед состязанием откармливали чесноком, на них надевали бронзовые шпоры. Бои происходили на специальных столах, за ними наблюдали судьи и многочисленные болельщики, делавшие крупные ставки. Все это были бытовые развлечения, не носившие сакрального оттенка.

Праздники

Все праздники в Греции связаны с *триединой хореей* – пением, музыкой (игрой на музыкальных инструментах), танцем. Им покровительствует Аполлон Мусагет – водитель муз. Музыкой и пением руководят Эрато, Эвтерпа, Полигимния, танцем – Терпсихора. Музыка для греков – сложное понятие, в которое входили, помимо собственно игры на музыкальных инструментах, пения и танца, также другие виды искусства: поэзия, эпос, трагедия и даже история. Они назывались мусическими и были подвластны Аполлону, так как первоначально поэзия, эпос, другие литературные произведения так же, как и история, рассказывались вслух, декламировались и пелись. Мусические искусства обладали более высоким статусом, чем пластические и механические. Как писал Плутарх, у греков музыка «была всецело приурочена к почитанию богов и воспитанию юношества: ...правильно воспитанный человек, с детства слушавший музыку, не совершит бесчестного поступка, его действия всегда будут гармоничны, соразмерны, по своей натуре он будет добрым человеком»⁷. В античный период в Греции зарождается теория музыки, возникают музыкальные школы.

Пение и музыка были широко распространены в повседневной жизни античного человека: под музыку гребли, вращали жернова, месили тесто, толкли зерно в ступах, давили виноград. Под звуки флейты даже наказывали рабов – пороли их розгами. В армии музыкальные инструменты задавали ритм на марше или поддерживали боевой дух в сражении. Из всего многообразия песен можно выделить профессиональные, бытовые, культовые. Первые помогали в труде, делая движения ритмичными и равномерными. Часто устраивались состязания певцов, приуроченные к профессиональным праздникам. Ко второму виду относятся колыбельные, свадебные, застольные, погребальные и др. Например гименей, с которым провожали молодых к их дому, или эпиталамы, исполнявшиеся перед покоями новобрачных. Сколии, короткие застольные песни, обычно литературно обрабатывались, и многие поэты были известны именно благодаря обработке песен, например Анакреонт. Культовыми являлись пеаны, прославлявшие Аполлона, или дифирамбы в честь Диониса. Они до настоящего времени сохранили первоначальное значение – восхваление какой-то персоны либо какого-нибудь явления.

Существовали различные ударные музыкальные инструменты – кимвалы, диски, тимпаны (род бубнов). На них играли во время праздников, посвященных Дионису или фригийской богине Кибеле, имевших оргиастический характер. Были распространены струнные инструменты – кифара, арфа, лира, которую, по преданию, изобрел Гермес, а потом уступил ее Аполлону. Аполлон чаще всего изображался с кифарой. Первоначально эти инструменты

⁷ Плутарх. О музыке. П., 1922.

греки делали из панциря черепахи, натягивая жилые, кишечные или льняные струны. Позднее стали применять дерево и металл, отделку из бронзы и серебра. К духовым относят флейту, а также всевозможные свирели из тростника. По легенде, изобретение свирели приписывается богу Пану. В армии широко использовались трубы. В мирной жизни под их звуки оглашали важные известия, имена победителей спортивных состязаний и театральных действий. Был изобретен водяной орган. Возможно, его музыка сопровождала театральные представления.

Греческий танец ритмичен, а его формы разнообразны: от торжественных и строгих до свободных, шуточных и быстрых. Сопровождавшие Диониса (Вакха) на посвященных ему праздниках менады известны неистовыми танцами, песнями и разгулом. Во время этих праздников они в безумном ослеплении, опьянев от вина, сокрушали все на своем пути («Вакханки» Эврипида). Хоровод – один из типичных видов танца, чаще всего исполнялся в торжественных случаях, например хоровод в Панафинях, сцены которого изображены на фризе Парфенона. Из Спарты в другие греческие государства пришла пирриха – военный танец, исполнявшийся воинами в полном вооружении. В нем они мимически изображали сцены боя, имитируя движения, которые обычно делали в бою. Танцы могли быть и очень грубыми, развязными, например ионийский танец.

К танцам близки мимы. Вначале они являлись элементом фольклора, неким действием, где соединялись танец и пение. Позднее их стали литературно обрабатывать, что сделало их крайне популярными, особенно в период эллинизма. К танцорам, исполнителям мимов, предъявлялись высокие требования, описание которых содержится, в частности, у Лукиана в «Диалогах о танце»⁸. Танцор должен быть не очень высок, но и не мал, не толст и не худ, с соразмерным телосложением. Кроме того, помимо необходимых физических данных, он должен обладать хорошим вкусом, прекрасной памятью, развитым интеллектом, чтобы суметь отобрать тот сценический материал, который понравится публике.

В Афинах первым по значению общеэллиническим праздником, родившимся из народных торжеств, были Панафины. Смысл его состоял в почитании и прославлении богини-покровительницы, и потому кульминационным моментом являлось приношение ей даров и жертвенных животных. Афине передавали в дар новый пеплос, вытканый афинскими девушками. Его водружали на корабль, который ставили на колеса и торжественно провозили по всему городу. Шествие направлялось к храму Эрехтейону на Акрополе. В жертву приносилось 100 быков, после чего начинался всенародный пир. Праздник проводился в гекатомбоне, первом месяце эллинского года, и потому жертва Афине получила в истории название *гекатомба*. Дни торжеств были посвящены всевозможным состязаниям в спортивных играх, мусических искусствах, чтении поэмы Гомера. В последний день проводились гонки на кораблях-триерах в память о военачальнике и мореплавателе Фемистокле.

Знаменитые Элевсинские *мистерии* были посвящены Деметре и ее дочери Персефоне. Они начинались торжественным шествием, затем в подземном Элевсинском храме разыгрывалось представление – инсценировка мифа о Деметре и Персефоне. Культ этих богинь – таинственный, мистический, и поэтому к участию в Элевсинских мистериях допускались только избранные («мист» означает посвященный), т. е. прошедшие определенные обряды. Последние в принципе были доступны всем (кроме запятнавших себя преступлениями) и состояли в молитвах, посте, омовении и различных испытаниях.

Ряд праздников был посвящен Дионису, богу виноградарства и виноделия. Дионисийских праздников много, на протяжении года они как бы сопровождали годовой цикл выращивания винограда и производства вина. Важнейших из них пять: в декабре – Малые, или

⁸ «Диалоги о танце» – произведение II в. н. э., и потому требования к танцору, выдвигаемые Лукианом, могли отличаться от тех, что появились в классическую эпоху.

Сельские, Дионисии, в январе – Ленеи, в январе – феврале – Антистерии, в марте – апреле – Великие, или Городские, Дионисии, в октябре – Осхофории. Отмечали их по-разному. В Малые Дионисии дегустировали молодое вино. Мужчины состязались в ловкости и силе в простом, бытовом агоне, например, как можно дольше удержаться на бурдюке с вином. Для девушек сооружали качели в память о дочери первого виноградаря и винодела. В Антистерии поминали умерших (одновременно это праздник цветов), и потому храм Диониса, так же как и другие, бывал закрыт. Их называли также «праздником горшков» по последнему дню, когда приглашали умерших за столы, ставя горшки с угощением. Самый большой праздник – Великие Дионисии, знаменовавшие собой окончательную победу весны. В VI в. тиран Писистрат сделал их общегосударственными, и с тех пор в Афинах это второй по значимости праздник, общий для всего населения Эллады.

Театр

В VI в. до н. э. зарождается такой вид искусства, как театр, возникший на основе триединой хореи и эпической поэзии. Древняя драматургия – священное действие, которое разыгрывается перед зрителями, вид богослужения. В Греции театральные представления давались два раза в год: на Великие Дионисии и на Ленеи. Великие Дионисии первоначально продолжались пять дней, а позднее – шесть. Первый день – открытие праздника. В этот день приносят в жертву козла и торжественная процессия проходит по строго определенному маршруту, неся статую бога Диониса: исполняются дифирамбы, прославляющие его. Вторым днем был посвящен состязанию хоров юношей и мужчин. На третий играли комедии, в остальные три дня – трагедии. В последний день оглашали имена победителей, награждали их призами.

В связи с популярностью театральных представлений возник определенный тип здания, который, с известными модификациями, существует и в настоящее время. Все началось с маленькой площадки, имевшей круглую форму (*орхестры*), где находился алтарь Диониса, выступал хор и пелись дифирамбы. Пение сопровождалось танцами. Для удобства зрителей, располагавшихся первоначально на земле, оркестру устраивали у подножия какого-либо холма. Склон холма с деревянными, а затем и каменными скамьями получил название *театрона*. Он окружал две трети орхестры и делился на ярусы и клинья. Каменный театр Диониса в Афинах, построенный в IV в. до н. э. на склоне Акрополя, стал образцом для всех греческих театров. Он был рассчитан на 17 тыс. зрителей и потому считался одним из крупнейших в Греции.

Во второй половине V в. до н. э. завершилось оформление пространственной организации театра. По предложению Эсхила за оркестрой было построено крытое помещение для переодевания актеров и хранения театрального реквизита – *скена*. Передняя стена сцены стала постепенно декорироваться и служить задником для изображаемого действия. Перед сценой сооружались подмостки – *проскениум*, на которых играли актеры. Все три части античного театра – оркестра, сцена с проскениумом и театрон – сохранились до настоящего времени и сейчас являются основными элементами театрального здания. Уже в эпоху античности в театре начинают использовать технические приспособления: движущиеся платформы, лебедку, тросы, чтобы поднимать и опускать актеров⁹, другие инженерные приспособления.

Агональный характер театрального действия проявился уже с самого начала – с конкурсного отбора пьес. Драматург представлял тетралогию, состоявшую из трех трагедий и одной сатировой драмы. (Помимо самого драматургического материала автор должен был

⁹ Например, герой, отправляясь на Олимп, поднимался на тросах вверх.

предъявить свидетельство о благонадежности, своеобразную характеристику Древнего мира о том, что он не запятнан незаконными действиями.) Власти назначали богатого гражданина, отвечающего за постановку, – *хорега* (в современной трактовке – продюсера), который вкладывал в нее собственные средства, что являлось одним из видов *литургии*¹⁰: он финансировал проведение всех подготовительных мероприятий, содержал хор, музыкантов, приобретал костюмы и необходимый реквизит, оплачивал репетиции и т. д. Получить подобную литургию, стать хорегом было очень престижно. Знатные люди нередко состязались между собой за эту привилегию, а также за наилучшую постановку. Выбирались судьи. Каждая из фил (территориальное деление Афин) выдвигала своего кандидата в это своеобразное жюри. Оно присуждало призы лучшему хорегу, драматургу, актеру. На празднике игралось 5–6 спектаклей в день, и зрители с утра до вечера смотрели представления.

В VI в. до н. э. появился первый актер. Инициатором этого новшества был поэт Фиспид Афинский, предложивший, чтобы один человек вел диалог с хором. Эсхил предложил ввести второго актера, а Софокл – третьего. На сцене выступали только мужчины.

Действие было условным, актеры использовали особую одежду, специальную символику жестов и предметов. В частности, у сценической одежды имелись рукава, что было непривычно для греков. У каждого персонажа были определенные атрибуты, и зрители знали, что означает любой предмет. Например, путешественник или посол держал в руках посох, царь – скипетр, а герой, обращаясь к богам, – оливковую ветвь. В сатировской драме хор был одет в козлиные шкуры, а в комедиях актеры выступали в обычном костюме, но с элементами, гротескно утрировавшими физические недостатки или откровенно демонстрировавшими уродства людей: прикреплялись специальные кожаные зады, животы, фаллосы.

Обязательным атрибутом греческого театра были маски, которые обычно делались из полотна и гипса, к ним крепился парик. Они представляли типические образы: «молодой красивый мужчина», «свободнорожденная женщина», «скупой отец» и т. п. Для обеспечения лучшей акустики маска имела отверстие для рта с раструбом, создающим эффект рупора. В трагедии фигура актера должна была быть внушительной, поэтому он обматывал себя тканью, надевал обувь на высокой подошве – *котурны*. (С древнейших времен сохранилось выражение «встать на котурны», т. е. принять неестественное положение, обозначающее ложное, показное величие.) Только в комедиях периода эллинизма актеры начали отказываться от неестественных условных костюмов и играть в обычной одежде.

Лучшие места в первом ряду предоставлялись наиболее уважаемым гражданам, руководителям города, иностранным послам – так называемое право *проэдрии* (право на занятие лучших мест имели и дети героев). Место в центре принадлежало жрецу Диониса. По греческим канонам в театре не могли изображаться жестокость, убийства и насилие. Охранительные тенденции общества проявились также в запрете женщинам и детям посещать комедии, отличавшиеся вольным содержанием. Вначале представления были бесплатными, желающих оказывалось так много, что приходилось занимать места задолго до начала (хозяева посылали своих рабов). Позднее вход в театр стал платным, выдавались специальные билеты. Для того чтобы сделать спектакли доступными для всех граждан, во времена Перикла было введено пособие (*террикон*) на посещение театра для малоимущих, которые, присутствуя целый день на представлениях, теряли свой дневной заработок. Театр эпохи эллинизма утрачивает свой сакральный дух. Представления начинают устраивать по любому поводу, и они приобретают зрелищный характер.

¹⁰ Государственная денежная повинность богатых людей.

Спорт

Греки много и активно занимались спортом, превратив его в сложную систему, игравшую важную роль в жизни греческого общества. В этом феномене отразились исторические и социальные реалии античности. Войны – постоянный лейтмотив эпохи. Победу одерживает сильный, крепкий, закаленный боец. Военная служба, являвшаяся обязанностью каждого гражданина, требовала хорошей физической формы, а спорт давал возможности для ее поддержания.

И в героическое и в классическое время образ жизни молодых аристократов был подчинен этой цели, и потому приоритет отдавался специальной спортивной подготовке как средству воспитания мужества, достижения высокого уровня физической формы.

Спорт связан и с таким фундаментальным понятием древнегреческой культуры, как *арете* – доблесть. Оно возникло в гомеровскую эпоху, и первоначально означало воинскую доблесть, физическую силу, умение владеть оружием, мужество и храбрость в бою. В дальнейшем арете сохраняется почти неизменным только у спартанцев. Именно они культивировали доблесть в качестве исключительно воинской добродетели. В других полисах, не отличавшихся столь ярко выраженным воинственным характером, она рассматривается в более широком плане: не только как воинская, но и как гражданская доблесть, например победы в спортивных и мусических состязаниях.

Свободное время, т. е. время, не занятое политикой, ремеслом, бытовыми проблемами, греки проводят в гимнасиях и палестрах. *Гимнасия*, или гимнасий, – многофункциональное заведение, предназначенное как для спорта, так и для учебы, занятий науками, отдыха. *Палестры* – это спортивные залы, которые строились отдельно, либо входили в состав гимнасия. Последний состоял из раздевалки, бань с холодной и горячей водой, комнаты для натирания маслом и песком, зала (залов) для гимнастических упражнений, комнат для отдыха и общения, где можно было также послушать выступления риториков, философов. Эти же помещения предназначались для занятий наукой, в них проходили обучение дети, подростки и юноши. Рабам в гимнасий или палестру вход для занятий был запрещен, они допускались туда только для сопровождения гражданина. В гимнасиях греки занимались всевозможными упражнениями, это могли быть кулачный бой, вольная борьба, бег, прыжки, игра в мяч. Последняя считалась самым демократичным видом спорта, поскольку не требовала сложных приготовлений и играли в нее командой, а не индивидуально.

Греки занимались спортом и состязались обнаженными. Они были *гимнофилами* и считали, что нагота символизирует простой и здоровый образ жизни, приличествуя не только спортивным, но и другим занятиям. Это было древней традицией. Для Греции, как и в целом для античной культуры, характерен культ обнаженного тела. Ухаживая за телом, спортсмены натирали его маслом. Купание ради удовольствия было чуждо эллинам, оно носило узкопрактический смысл: смыть грязь, песок, масло после занятий спортом. Греки считали, что купаться следует только в холодной воде, особенно строги были в этом спартанцы, отрицательно относившиеся к любому комфорту. Обычно греки принимали ванну, она известна с древнейших времен и описана еще в поэмах Гомера. В некоторых городах были частные или городские бани, предназначавшиеся для малоимущих горожан, не имевших дома ванн.

Спортивные игры так же, как и другие праздники Древней Греции, были посвящены богам. Никто не знает, когда именно зародилась традиция агональных спортивных состязаний, но существует историческая дата, считающаяся годом проведения первых Олимпийских игр – 776 г. до н. э. Спортивных праздников в Греции было много, но ни один не мог сравниться по своему масштабу и значимости с Олимпийскими играми. По ним греки исчисляли время. Этот метод разработал историк Тимей Афинский. Дата определялась по четы-

рехлетнему олимпийскому циклу (например, третий год восьмой Олимпиады). На время игр объявлялся «священный мир», так называемая *экихирея*, длящаяся обычно два месяца. В них входили непосредственно дни игр, время пути спортсменов до Олимпии и обратно, а также время, необходимое для тренировок. Экихирея – это проявление гуманизма в эллинском мире, «соревнование за славу без пролития крови». Олимпийские игры были посвящены главному олимпийскому богу – Зевсу, который олицетворял мужское начало, воинскую доблесть. Присутствие женщин было несовместимо с мужским священнодействием, могло оскорбить божества, и поэтому женщины не допускались на соревнования.

Праздник длился несколько дней и обставлялся очень торжественно. В первый день совершалось торжественное шествие к священной роще, где приносилась жертва Зевсу, спортсмены давали клятву сражаться честно. В программу соревнований входило несколько видов спорта: прыжки, бег, метание диска, копья и борьба; к ним позднее добавились гонки на колесницах. Состязались только ради славы, и поэтому награда была простой, чисто символической – оливковый венок (на других состязаниях могли присудить венок из сельдерея, мирта, ветвей сосны и т. п.). Победитель получал звание *олимпионика* и мог принести жертву в священной роще, он имел право поставить статую, посвященную этому виду спорта, и выбить на ней свое имя.

Стать олимпиоником было чрезвычайно почетно, во многих греческих полисах они освобождались от налогов, каждое местечко, деревня или город хотели бы иметь в числе своих жителей героев. (В Спарте они получали особую награду – сражаться в первых рядах войска рядом с царем.) Спортсмены, уличенные в нечестной борьбе, наказывались не только штрафом – такой человек был опозорен на всю жизнь: имена клятвопреступников увековечивались на символических изображениях отдельных видов спорта.

Первоначально в играх участвовали в основном аристократы, так как для этого требовалась особая подготовка. Для путешествия в Олимпию и пребывания там необходимы были средства, доступные лишь состоятельным людям. Стать участником игр в классическую эпоху мог только гражданин, ни рабы, ни иноземцы к состязаниям не допускались. С IV в. до н. э. возникает система профессионального атлетизма, когда города начинают все более щедро финансировать своих победителей (претендентов на победу). Атлетизм, вытесняя любительский массовый спорт, подрывал сам институт спортивного агона как сакральной ценности греческого полиса. В том же направлении действовал и допуск к участию в играх иноземцев, начавшийся с эпохи эллинизма.

Помимо олимпийских существовало еще множество спортивных состязаний как общеэллинского, так и местного значения. Среди крупнейших из них – Пифийские игры, посвященные Аполлону, Истмийские – в честь Посейдона, Немейские – в честь Зевса. Как правило, они проходили раз в два года, и на некоторые из них тоже распространялся обычай *экихирии*. Однако ни один другой спортивный агон не достиг уровня Олимпиад, ставших символом греческой античности. Олимпиады, просуществовавшие около двенадцати веков (за это время было проведено 290 состязаний), являются одной из фундаментальных культурных традиций этой цивилизации.

Глава 2 Свободные и рабы

Становление системы

Рабство – господствующая в Древнем мире система социальных отношений, первая историческая форма эксплуатации и угнетения. Античный тип рабства характеризуется широким развитием личного рабовладения, хотя есть и иные собственники – государство, храмы, общины, города.

В своем развитии институт античного рабства проходит ряд этапов, главными из которых становятся два: патриархальное и классическое рабство. Первый тип рабства существовал практически у всех народов на этапе разложения родового строя. В Древней Греции он относится к гомеровскому периоду. «Мужи убиты оружием, дома превращаются в пепел, дети уводятся в плен и пышно одетые жены», – пишет об этом Гомер. Классические примеры дают литературные образы: это троянки, которых увозят в качестве добычи от родных берегов, Андромаха, доставшаяся сыну убийцы своего мужа, старая Гекуба, прошедшая скорбный путь от трона до могилы через рабство: «Увы, увы, какое зло рабою быть, терпеть приходится, чего терпеть нельзя. Насилие сломало нас». Рабство этого типа – примитивное, домашнее: раб являлся членом владевшей им семьи, хотя и бесправным, а дети, рожденные в неволе, могли обрести свободу. Отношение к рабам еще не было жестоким, а эксплуатация – безжалостной: хозяин трудится вместе со своим рабом, сидит с ним за одним столом, раб не отделен от свободного гражданина непроходимой стеной, их связывают патриархальные отношения.

В период архаики параллельно процессу демократизации происходит становление системы классического рабства. Основной производительной силой здесь является раб, и во всех отраслях хозяйства наряду с трудом свободного человека находит широкое применение рабский труд. Число рабов в Аттике на протяжении V в. до н. э. стремительно растет. Рабы в большинстве своем были из других стран (не греки), в результате понятия «раб» и «варвар» отождествляются, формируется эллинский «национализм».

Огромный контингент рабов рекрутируется в основном из четырех источников: обращение в плен в результате военного поражения; пиратство и похищение людей; торговля живым товаром и рождение рабов в неволе¹¹. Первый и главный источник – войны и военные поражения. Начиная с греко-персидских войн и сражений Александра Македонского до последних дней существования свободной Греции войны составляли историческую канву, традиционный фон повседневной жизни. В различных полисах появлялось все больше рабов-военнопленных, добытых на полях сражений, а рабство рассматривалось как закономерный результат военных побед. Как писал Аристотель¹², война считалась законной при единственной цели – сделать побежденных рабами.

Отношение к побежденным не зависело от того, к какому полису они принадлежат, являются ли они греками или представителями другого этноса. Результат поражения был всегда одинаков: мужчин убивали или делали невольниками, женщины и дети продавались в рабство. Так, в 413 г. до н. э. 7 тыс. свободных афинских граждан попали в плен к сиракузцам,

¹¹ Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

¹² Аристотель. Цит. соч.

были превращены в рабов и отправлены в каменоломни¹³. Жители Платеи, которые сдались Спарте, заплатили полную дань войне: мужчины были убиты, а женщины вместе с детьми проданы в рабство. Даже Платон, проданный по приказу тирана Дионисия, признавая, что рабство – результат человеческого насилия и произвола, возлагал ответственность за это не на общество, а на личную судьбу человека.

Изрезанные берега и отсутствие надежной охраны делали население большинства прибрежных территорий легкой добычей пиратов. Официально пиратство было под запретом, оно сурово каралось, но тем не менее находилась масса лазеек для того, чтобы сбывать похищенных людей.

В отдельных полисах имелись и другие возможности лишиться свободы. Например, обычной практикой являлось подкидывание и продажа детей. (Исключение составляли лишь Афины, где по реформе Солона продажа собственных детей была запрещена, кроме «дочерей, которые дали себя совратить».)

Торговля рабами процветала по всему побережью, где находились греческие колонии. Отношение к рабам было различным в зависимости от их происхождения. Рабы с севера (север для Греции – Восточная Европа, в том числе Крым, Причерноморье) были грубы и необразованны и ценились низко. Более выгодным товаром являлись рабы из Азии: там народ был приучен к повиновению длительными деспотическими режимами, и в то же время азиаты имели давние культурные традиции, знали ремесла, умели угождать. Больше всего ценились сами греки, которые платили дань Востоку своими искусными ремесленниками, танцовщицами, гетерами, музыкантами. Полисы покровительствовали торговле рабами, так как она была обложена высоким акцизом и давала государству большую прибыль. Афины, например, соперничали с другими признанными центрами работорговли – Кипром, Эфесом, Самосом, Хиосом. В самом центре рынка было огорожено место, где рядом продавались утварь и «живые тела», и под угрозой лишения гражданства запрещалось чинить препятствия и притеснять торговцев рабами.

Еще одним вторичным источником рабства, наряду с торговлей, являлось рождение в неволе. Дети рабов в классический период неизбежно повторяли участь своих родителей. Рабы, рожденные в доме, так и назывались – доморожденными. Вырастить их было достаточно дорого, к тому же рождение в неволе формировало в них изначально комплекс отрицательных черт: лень, бестолковость, угодливость. Существовал в греческом языке эпитет, в дальнейшем обозначающий никчемного бездельника, – «трущийся дома лодырь» – именно так говорили о домашнем рабе. Для хозяина, бесспорно, более выгодной считалась покупка взрослого раба, и потому эти дети росли как сорная трава, ведь практически никто не занимался их воспитанием и обучением.

Рабство оказывало большое влияние на весь жизненный уклад греков. Рабы занимались любым производительным трудом: земледелием, скотоводством, ремеслом: в мастерских-эргастериях могли трудиться по 20–50 человек, а на отдельных крупных предприятиях – до 100–150 работников. На кораблях рабы заменяли гребцов, на рудниках и в каменоломнях выполняли все тяжелые работы, не требовавшие квалификации. (Туда отправляли либо беглых рабов, либо варваров с севера и запада, которые ни на что более не годились.)

Важной сферой применения рабского труда было домашнее хозяйство. В Греции классического периода не было вилл и дворцов, и потому для обслуживания скромных жилищ не требовалось большого количества рабов. Как гласило правило, сформулированное Аристотелем, «большое число прислуги представляет неудобство». Семья среднего достатка владела тремя–четырьмя рабами, бедные люди – одним. Отсутствие рабов служило достаточным доказательством крайней нищеты, и такой человек мог рассчитывать на помощь

¹³ Фукидид. История. Л., 1981.

государства. Свободные граждане Греции, как правило, не выходили на улицу без раба, причем не только женщины, но и мужчины. (Без провожатого ходили только *паразиты* – опустившиеся люди, которые предпочитали кормиться у кого-нибудь.) Раб должен был постоянно сопровождать своего господина, в темное время суток освещать ему дорогу. В эпоху эллинизма простота уходит в прошлое. Аристократы демонстрируют свое богатство и вкус, приобретая красивых юношей и девушек для сопровождения и для обслуживания гостей.

В греческих полисах существовали государственные рабы, которые занимали самые низшие должности, например писцов, глашатаев, секретарей. Кроме того, они использовались на самых тяжелых, грязных и просто непопулярных работах: мощение улиц, уборка дорог, рынков, театров и т. п. Рабы служили палачами и тюремщиками, а также в качестве городской охраны: Афины имели полицию, состоящую из 1200 скифских стрелков. Постепенно рабы заняли все низшие ступени государственной службы, вытеснив свободных граждан. Храмы также имели собственных рабов. Многие граждане, желая почтить какого-либо бога или определенный храм, делали приношение рабами и рабынями. Иногда им давалась вольная, посвященная богам, и в этом случае вольноотпущенник должен был служить в храме.

Положение раба

Античная статистика, естественно, не может дать точных цифр относительно количества рабов, однако для общей характеристики тех или иных тенденций сведений достаточно. Рабов в целом было больше, чем гражданского населения, причем в Спарте их число в несколько раз превышало количество свободных.

Именно поэтому в Спарте применялись самые жесткие методы запугивания и подавления. Спартиаты всегда более, чем жители других полисов, боялись восстаний рабов и пытались их предотвратить. Они применяли разные методы, чтобы выделить из массы рабов самых смелых, умных, влиятельных и нейтрализовать их. О таких превентивных акциях сообщает, например, Фукидид: было объявлено, что лучшим рабам, которые оказали лакедемонянам наибольшие услуги в военном деле, будет дарована свобода. После того как 2 тыс. илотов были отобраны и торжественно обошли храмы, празднуя освобождение, они бесследно исчезли и больше никто их не видел. Методом подавления служили знаменитые криптии, на илотов объявлялась «охота» при вступлении эфоров в должность.

Практика освобождения рабов не являлась широко распространенной. Однако такие случаи не были и редкими: можно было освободить раба на определенных условиях – пребывание у хозяина до конца жизни, либо регулярные выплаты определенных сумм, если он займется ремеслом или торговлей (хозяин при этом получал бы большую часть доходов). Раб мог выкупить себя и самостоятельно, для чего необходимо было получить согласие господина. (Вольноотпущенник становился метеком и попадал под контроль государства.) Массовый отпуск на волю властями не поощрялся, но были и исключения. Например, в критических ситуациях, во время войн, всем давали оружие для защиты города, обещав в случае победы даровать свободу. В последний период существования свободной Греции, когда отдельные полисы пытались отразить экспансию Рима, прозвучал призыв к рабам о помощи, но было уже поздно. После поражения бывших хозяев продавали вместе с их рабами – ситуация казалась римлянам забавной.

В античном обществе высший закон для раба – его господин. Аристотель, давая определение его правового статуса, так пишет о нем: «Раб – одушевленная собственность и самое совершенное из орудий». Собственник живой «вещи» является для нее всем: душой, разумом, законом. «Владыку слушай, прав ли он или не прав», – гласит греческая максима. Рабы исключены из класса людей и подчиняются законам о вещах. Они лишены прав заклю-

чать брак, иметь семью и собственность. На практике строгость закона смягчалась: с разрешения хозяина они могли вступать в «брак», заниматься прибыльным делом.

Рабов старались выделить внешними признаками: грубой одеждой, бритой головой. Однако эти правила не везде соблюдались. Практически они по виду мало отличались от свободных: могли быть одеты бедно, в простую домотканую одежду, как бедные граждане, или же наоборот – щеголять в дорогой одежде, если принадлежали богатым семьям. Рабы участвовали в торжествах и развлечениях, не уступали дорогу свободным, вели себя бесцеремонно, т. е. позволяли себе многое из того, что было им по закону запрещено. Более того, иногда они совершали то, что не дозволялось даже свободному человеку: так, во многих пьесах раб распоряжался чужим состоянием, интриговал вместе с молодым господином, устраивал непристойные шутки, издевался над свободными людьми. Подобное могло происходить в том случае, если раба поощрял сам хозяин. Но не только. Рабы имели в афинском государстве такую свободу, которая была немыслима в других полисах. «Доходят даже до того, что рабам позволяют жить в роскоши и вести широкий образ жизни», – сетует Ксенофонт. Эсхин в одной из своих речей выводит образ государственного раба – богатого развратника, устраивающего петушьи бои.

Согласно традиции, рабы имели убежища, где они были неприкосновенны, – храмы, священные рощи, алтари. Только после того, как раба заставляли покинуть святилище, выманив его оттуда огнем, голодом или хитростью, его можно было наказывать. Афины отличались самым гуманным обращением с рабами. Там существовали законы, по которым раба нельзя было мучить, пытаться, а тем более убить¹⁴. Хозяин не мог сам расправиться с ним, а должен был обратиться к магистратам. В случае жестокого обращения раб имел право требовать через суд своей продажи другому, а за убийство невольника владельцев не только порицали, но и наказывали. Конечно, наказания были мягче, чем за убийство свободного человека, однако виновного могли присудить к изгнанию, покаянию и очищению.

Вызванного в суд раба никогда не допрашивали как свободного гражданина: под присягой, с принесением клятвы. Раб давал свидетельские показания «телом», т. е. все допросы проводились под пыткой. Подобное было обычным – так, в речах и выступлениях Аристотеля и Демокрита пытка рассматривалась как естественный способ дознания, и ей не давалось негативных оценок. В случае судебного разбирательства хозяин мог сам предложить допрос раба или же, наоборот, если он не разрешал допроса, то мог быть обвинен и проиграть тяжбу. Ни пол, ни возраст не служили защитой: пыткам подвергали всех – и мужчин, и женщин. Женщин, как правило, пытали чаще, так как они являлись свидетелями всего, что происходило внутри дома, поэтому самую достоверную информацию о домашних происшествиях получали у рабынь. После кровавых допросов раб мог остаться искалеченным, что рассматривалось как ущерб, нанесенный хозяйским «вещам». Зачастую противная сторона предлагала оценить и возместить убыток. Это считалось достойным и великодушным поступком.

Рабы интересовали хозяев только в трудоспособном возрасте. В детстве ими практически никто не занимался, и в старости они тоже были предоставлены сами себе. От них отделялись как от ненужной обузы, выгоняли из дома. Главы местной администрации разыскивали бывших хозяев, чтобы те забрали тела умерших на дороге рабов, изгнанных из-за своей дряхлости.

Характер, внутренний мир раба, стереотипы поведения формируются образом жизни, его зависимым положением. Раб – «купленная вещь», «тело», он «обезличен», исключен из общества и чужд понятиям добра и зла, предназначенным для свободных. Ментальность

¹⁴ Полисный гуманизм распространялся лишь на граждан. Афиняне считали, что, запрещая жестокости, они охраняют нравственность. «Как бы не ударили гражданина, думая ударить раба» (Ксенофонт).

его основана на инстинктах, на чувственности, что и делает натуру «рабской», способствует проявлению низменных чувств и подлому поведению. Как и хозяин, раб любит отдых, хороший стол, удовольствия. «Желудок – это все для раба», – говорил уже Еврипид. Незаконные удовольствия можно было доставить себе хитростью, ложью или воровством. Привычка к обману, ставшая инстинктом, тотальное воровство – крали все, что могли украсть, – вот основные черты поведения, соответствовавшие его положению: он унижался и пресмыкался, когда боялся наказания, был бесстыден и дерзок, когда оно не грозило. Любые наказания делали его душой, по словам Платона, еще более рабской, вызывали ненависть к господину и жажду мести.

Рабский труд – оборотная сторона античной культуры. Само существование полиса делается возможным лишь благодаря труду рабов. Однако создав условия для жизни античного общества, рабство пагубно отразилось на гражданах, профанировало свободный труд. В героические времена у греков пользовался уважением любой физической труд. В период архаики к такому давнему, почетному его виду, как земледельческий труд, прибавились торговля, ремесла, мореплавание. В классическую эпоху они продолжали развиваться, появились целые сословия, связавшие себя именно с этими видами деятельности (например, в Афинах).

Труд объединял все население Афин, и Перикл неоднократно подчеркивал его важность для государства: «Мы не стыдимся признаться в нашей бедности, стыдно не уметь избавиться от нее своим трудом, мы умеем заниматься одновременно и нашими частными делами, и делами государственными, и те же люди, которые отдают свои руки для труда, могут также ведать и государственными делами»¹⁵. Постепенно, однако, в обществе стали распространяться и другие настроения, характерные в первую очередь для аристократии, – презрительное отношение к труду как недостойному занятию. Это презрение сначала не относилось к искусному труду ремесленников или самостоятельному труду зажиточных крестьян, и уж тем более к деятельности, требующей художественных способностей (скульптуры, музыканты, архитекторы), либо научных познаний (философы, ораторы, врачи). Но по мере расширения сферы рабского труда, превращения его во всеохватывающую систему и формирования соответствующей идеологии, идеал праздности стал доминирующим для всех слоев общества. Рабство одинаково разложило аристократию Спарты и демократию Афин. Обе они оказались неспособны противостоять внешней экспансии.

¹⁵ Фукидид. Цит. соч.

Глава 3

Женщина. семья. Обучение

В классическом греческом полисе ярко выражено доминирование мужского начала. Человек – это всегда мужчина, муж. Женщина не только не занимает высокого места в обществе, но по своему положению всегда несамостоятельна, полностью зависит от мужчины. Она является низшим существом, и это четко формулирует Аристотель. Отличаясь теми или иными особенностями, в разных полисах положение женщины в целом одинаково.

Женщин в афинском обществе можно условно разделить на две категории. Первая – это жены, матери граждан, свободнорожденные полноправные женщины¹⁶. По своему статусу они предназначены для замужества, для законного брака. В Афинах, например, законным признавался только тот, в который вступал афинский гражданин и дочь гражданина, рожденная, в свою очередь, в законном браке и принадлежащая к определенному роду и дему. Дети из такой полноправной семьи могли получить в дальнейшем, по достижении совершеннолетия, гражданство, наследовать имущество и быть продолжателями рода.

Женщины-супруги не участвовали в общественной жизни. Их роль сводилась к простому продолжению рода. «Жен мы имеем для рождения законных детей и для верной охраны имущества», – говорит Демосфен в одной из своих речей. Жены были необразованными, по сути невежественными. Как правило, они умели читать, писать и вести домашнее хозяйство, но совершенно не разбирались в вопросах литературы, политики, философии и т. п. Самое главное, что требовалось от них, – целомудрие.

Другая половина женского греческого мира резко отличалась от первой. К ней относились чужестранки, женщины, происходившие из семьи, в которой не был зарегистрирован законный брак. За исключением женщин, живущих в семье (правда, брак этот с точки зрения закона трактовался как простое сожительство), все остальные могли рассматриваться как «свободные»: гетеры, авлетриды, паллаке, диктериады. *Гетеры* принадлежали к высшему слою этого пестрого мира. Дословный перевод слова «гетера» – спутница, так называли женщин, ведущих свободный, независимый образ жизни, но находившихся на содержании у мужчин. Они предназначались для приятного отдыха, праздника, сопровождали и развлекали своего господина. Конечно, не все из них достигали такого высокого уровня, как Аспазия, подруга, а потом жена Перикла, как Таис, спутница Птолемея, или Фрина, подруга Праксителя. Эти знаменитые женщины играли заметную роль в общественной и культурной жизни своего времени, их имена вошли в историю и обросли легендами. Но и не столь известные гетеры, принадлежавшие к высшему кругу, нередко были хорошо образованы, разбирались в политике, искусстве, философии и т. п. В целом путь образования и «эмансипации» в Древнем мире был доступен для женщин только этого типа и немислим для жен. Гетеры имели свой центр, роль которого играл храм Афродиты в Коринфе. Там молодых девушек обучали искусству обхождения, а также музыке, риторике и даже философии.

Авлетриды – как правило, чужестранки, профессионально работающие в сфере искусства: танцовщицы, актрисы, музыкантши. Они зарабатывали на жизнь своими талантами и очень ценились греками. Их выступления оплачивались, особенно когда их приглашали на пиры. После удачного выступления такая женщина могла составить себе приличное состояние. *Паллаке*, или сожительницы, не обладали никакими правами, будучи по статусу чаще всего вольноотпущенницами, а то и рабынями. Самый низкий уровень – это *диктериады*,

¹⁶ С правовой точки зрения женщины в Афинах вообще не могли считаться гражданками, так как были лишены гражданских прав, хотя на уровне обыденного сознания они воспринимались именно в этом качестве. Так, Перикл обращается к ним «супруги и гражданки».

публичные женщины, продающие себя за деньги. Они могли жить в домах свиданий или вне их, но были одинаково бесправны. Закон относился к ним сурово. Для них существовала масса ограничений: живя в окрестностях города, они не имели права появиться в нем в светлое время суток, им запрещалось заходить в храмы, участвовать в празднествах. Греки строго следили за тем, чтобы диктериады не оказались рядом с их женами, беспощадно карая за несоблюдение этих норм (наказание следовало незамедлительно – оскорбление словом или действием). Они носили определенную одежду, по которой их сразу можно было узнать: костюм из пестрых тканей кричащих тонов, с букетами цветов, надевали белокурые парики или красили волосы.

Семья и дети

Как утверждал Еврипид, греки первыми из древних народов стали придерживаться принципа единобрачия, полагая, что полигамия – обычай варварский и недостойный благородного человека. Институт брака по античным представлениям преследовал две цели: общественную и частную. Общественная – умножение числа граждан, которые будут защищать границы отечества. Частная – продолжение рода, поддержание семейных традиций, почитание семейных богов, а также помощь в старости. Заключение брака являлось моральным долгом граждан перед семьей и государством.

В Греции не было юридических законов, заставлявших мужчин жениться. Однако существовало моральное принуждение¹⁷: например, в Афинах холостые мужчины, не выполнившие свой долг и не женившиеся, уважением не пользовались. В Спарте к ним относились еще суровее: холостяцкая жизнь вела к частичной утрате гражданских прав, сопровождалась унижением не только со стороны отдельных граждан, но и со стороны государства. В частности, холостяки в определенный день года (зимой) должны были обнаженными обходить рыночную площадь, распевая специальную песню, в которой признавали свою вину. На них также налагали штрафы. На спартиатов, которые не имели семьи, не распространялось традиционное право на почитание пожилых людей. Плутархом описан эпизод, в котором молодой человек оскорбил знаменитого военачальника, не уступив ему место. На его возмущение юноша ответил: «Ты не родил сына, который со временем уступил бы место мне». Молодые люди в Спарте обязаны были выбирать себе жен преимущественно из бедных семей: таким образом обычай препятствовал имущественной дифференциации, чрезмерной концентрации богатства в одних руках. В Спарте, в отличие от других полисов, разрешались браки с чужестранками, и дети, рожденные в них, считались законными наследниками. Но, тем не менее, юноши предпочитали своих, местных девушек, воспитанных в спартанском духе. Так в семейных традициях проявлялся полисный патриотизм.

Выбор мужа – право и обязанность опекуна женщины: как правило, им был отец, брат, либо ближайший родственник. Выдавать замуж разрешалось в 12–15 лет, и кровное родство не служило препятствием. Сочетаться браком могли даже дети одного отца. Единственное ограничение: единоутробные дети не должны были вступать в брак. (Брак между братом и сестрой имел мифологический прототип – союз Зевса и Геры. Этот брак становится ритуальным в роду Птолемеев в Египте в эпоху эллинизма¹⁸.) Перед бракосочетанием должно было состояться обручение. Оно являлось важным нормативным актом, так как при этом заключался семейный договор, в котором определялись имущественные отношения и взаимные обязательства сторон. Мужчина, например, обещал не приводить в дом другую жен-

¹⁷ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1998.

¹⁸ Птолемей Филадельф восстановил матримониальную традицию фараонов, заключив брак со своей сестрой Арсиной. В дальнейшем царская династия таким образом оберегала чистоту крови от смешения ее с кровью простых смертных.

щину, не признавать детей, рожденных вне брака, не наносить обид своей жене. Подобные обязательства принимала на себя и женщина.

Важным вопросом считалось приданое невесты, которое требовалось по обычаю. Сбирать его могла не только семья, но и соседи, родственники, официальные лица. Так, после смерти Аристида, являвшегося образцом выполнения долга перед обществом, его семья испытывала материальные затруднения, и потому город выделил приданое его дочерям. Приданое означало определенный прогресс в эволюции института брака и известную степень эмансипации женщины, приносящей в семью материальные ценности.

Свадьба – чисто семейный праздник – имела одновременно юридический и религиозный статус. Два основных действия разыгрывались соответственно в доме отца невесты и в доме жениха, а остальное служило для них своеобразным прологом и дивертисментом. Невеста в день свадьбы омывалась водой из священного источника, ее наряжали и украшали. В присутствии гостей торжественно приносили жертвы богам. Главное действо совершалось в доме отца невесты: он передавал свою дочь молодому человеку и произносил священную фразу о том, что вручает ее мужу и отлучает от родительского очага. Эта формула означала ее правовой переход под власть мужа.

В доме отца начинался пир. Невеста не принимала в нем участие и сидела отдельно в группе своих ровесниц, укутанная покрывалом. После пира происходил торжественный переезд в дом молодых под звуки гимнов-гимнеев, в сопровождении родных и друзей на украшенной цветами повозке. В новый дом мать невесты передавала факел, зажженный от огня отеческого очага. Подчеркивая ее особое положение, муж переносил молодую через порог своего дома. Затем совершалась заключительная церемония: молодую торжественно подводили к очагу, посвящая в домашний быт новой семьи. Символом этого являлась трапеза у нового очага – жених и невеста разделяли между собой хлеб и фрукты. Молодую пару провожали в брачный покой, называемый таламом, а молодежь под его дверями распевала свадебные гимны-эпиталамы. На другой день пир продолжался, и гости снова приносили подарки. Молодая жена снимала покрывало и исполняла обязанности хозяйки дома.

Выходя замуж, женщина полностью теряла самостоятельность. Она вела замкнутый образ жизни: занималась домашним хозяйством и большую часть времени находилась на женской половине дома – в *гинекее*¹⁹. С появлением детей ее обязанностью становилось их воспитание. На улицу женщины выходили редко и только в сопровождении рабыни, стыдливо прикрывая лицо краем плаща. Все необходимое в хозяйстве обычно покупали мужчины. Только одно исключение давало возможность женам открыто показать себя окружающим: религиозный праздник, священная церемония. Соблюдать эти строгие нормы было, однако, делом не простым, так как требовало известного достатка, и потому им следовали лишь состоятельные семьи. В бедных семьях женщины вели более открытый образ жизни, иногда даже занимаясь торговлей на агоре. Мать Еврипида, как утверждал Аристофан, была торговкой овощами, и это постоянно вменялось ему в вину.

Греки считали, что лучшая жена та, о которой вообще никто ничего не мог сказать – ни хорошего, ни плохого, так как ее просто никто не видел и не знал. «Та женщина заслуживает высочайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин в порицание или в похвалу», – так выразил господствующие в обществе взгляды Перикл²⁰. Как говорил Платон: «Имя честной женщины должно быть заперто в стенах дома». Женщина, жена вплоть до эпохи эллинизма не принимала решений по имущественным вопросам, не могла инте-

¹⁹ В Спарте женщина не была заперта в четырех стенах и пользовалась большей свободой, была настоящей хозяйкой в своем доме.

²⁰ Фукидид. Цит. соч.

ресоваться политикой и общественной жизнью. Вообще, жизнь за стенами дома не должна была ее касаться, так же как и поведение собственного мужа вне стен домашней цитадели.

В Древней Греции существовали разводы, причем они могли происходить как по инициативе мужа, так и по инициативе жены. Если инициатива исходила от жены, то это была сложная процедура: ей нужно было обращаться к властям, лично подав прошение архонту на агоре, веско мотивировать свою просьбу и т. п. В целом это был довольно редкий случай в обычной практике семейной жизни. Если муж не возражал, они расставались, жена получала обратно часть своего приданого, которая так и называлась – «утешение» и являлась личной собственностью женщины. Когда развод совершался по инициативе мужа, то он, договорившись с опекуном, просто отправлял жену обратно к ее отцу вместе с приданным – эта процедура называлась «отсыланием». Поскольку основной целью брака являлось рождение детей, то развод был практически единственным вариантом в случае бездетности супругов. Веской причиной для развода являлся адюльтер. Он, как правило, преследовался в частном порядке. Иногда расправа могла быть чрезвычайно суровой, вплоть до убийства (в этих случаях были необходимы свидетели, а любовников надо было застигнуть на месте преступления). Обычно до таких крайностей дело не доходило.

Рождение ребенка – важное событие в жизни семьи. Спустя 5–7 дней устраивали праздник приема в семью. Отец брал младенца на руки и обносил вокруг очага, после чего ребенок считался принятым в род под покровительство домашних богов. Если ребенка не признавали, то его просто выкидывали, что, как правило, было равносильно гибели. Греки часто избавлялись от младенцев, в основном по имущественным соображениям: делить собственность семьи между многочисленными наследниками было невыгодно, поэтому старались не иметь много детей. Таким образом регулировался и демографический процесс. В идеале в семье предпочитали растить одного-двух детей, преимущественно мальчиков. Девочки, по понятиям греков, не имели большой ценности: не могли быть воинами, наследовать традиции семьи, продолжая свой род, не представляли значимую силу в хозяйстве, и от них избавлялись в первую очередь. Глава семьи, находившийся вне дома, мог дать указание в письме своей беременной жене: «Если счастливо родишь и это будет мальчик – оставь его, если девочка – брось ее».

Брошенные дети обычно погибали. Если ребенка кто-то подбирает, то его судьба могла быть различной. Как правило, он становился рабом. В Афинах семья, бросившая ребенка, могла потребовать его обратно. Греки перестали избавляться от детей только во II в. до н. э. К тому времени численность населения в государстве резко снизилась, и царь Филипп Македонский, руководствуясь отнюдь не человеколюбием, но потребностями обороноспособности (войско испытывало нехватку в людских ресурсах), запретил бросать младенцев. В Спарте сложилась иная ситуация: там судьбу новорожденного решал не отец, а старейшины. Поскольку полису нужны были физически сильные воины, то здоровых детей оставляли, но безжалостно избавлялись от слабых и больных.

Если ребенка принимали в семью, то на 10-й день устраивался праздник имянаречения. У греков не было строгих правил на этот счет, как не было и родовых имен. Правда, женщина-гражданка всегда именовалась с добавлением имени ее отца (Неера, дочь Аристиды). В остальном имятворчество было свободным. Родители могли придумать новое имя, назвать ребенка в честь кого-нибудь из предков или взять любое имя, которое им понравилось. Позднее отец представлял ребенка своей общине.

Воспитание и обучение

В воспитании детей греки старались придерживаться чувства меры. Они не допускали излишней строгости и в то же время не изнеживали их. К младенцам и маленьким детям

матери брали няnek и кормилиц, как свободных, так и рабынь. Особенно ценились спартанки, отличавшиеся хорошим здоровьем и требовательностью. До семи лет ребенок находился под опекой матери. У детей были разнообразные игрушки из дерева, металла, глины, которые отражали окружающий мир: куклы, коляски, повозки, мебель (к примеру, самая дорогая игрушечная мебель делалась из кости, украшалась серебром, а самая простая могла быть из дерева). Становясь старше, дети играли в салочки, жмурки, мяч, качались на качелях, запускали змеев и т. п.

В 7 лет они начинали учиться. В воспитании сына решающую роль играл отец: учил обращаться с оружием, прививал хозяйственные навыки. Девочки продолжали находиться под присмотром матери, поскольку их обучение было связано с домом: они учились ткать, прясть, вести домашнее хозяйство. В Афинах периодов архаики и классики не было государственных школ. Частное обучение постепенно приобретало коллективные формы. Дети под руководством учителя организуются в группы, которые становятся зародышами будущих школ. Обучение какому-либо ремеслу признавалось обязательным, рассматривалось как долг отца.

Программа предусматривала сочетание умственного, эстетического (так называемого мусического) и физического воспитания. И потому мальчик имел трех педагогов. Грамматик обучал чтению, письму, счету. Дети писали буквы на деревянных воощенных табличках. Становясь старше, читали поэмы Гомера, басни Эзопа, стихи Гесиода или знаменитого афинского законодателя и поэта Солона, изучали историю. Афины (V в. до н. э.) гордились тем, что в городе не было неграмотных (очевидно, имелись в виду только граждане). Кифарист занимался с детьми музыкой, пением и танцами, разучивал гимны и учил играть на музыкальных инструментах, поскольку это было необходимо для участия в религиозных обрядах. Физической подготовке молодежи в Древней Греции уделялось самое пристальное внимание. Спорт учил молодых людей владеть собой, правилам честной игры, что было чрезвычайно важно для общества, в жизни которого агонистика играла ведущую роль. Мальчики под руководством тренера занимались различными видами спорта: теми, что входили в программу Олимпийских игр, а также плаванием, греблей, стрельбой из лука и другими. Физическая подготовка была необходима юношам для того, чтобы в будущем успешно нести военную службу.

Гармоничное сочетание духовного развития и хорошей физической формы – идеал античного человека, выражаемый понятием калокагатия. «Добро и красота» – таков смысл этого нравственно-эстетического синтеза. Конечно, в первую очередь речь шла об аристократии: «прекрасное, тренированное тело юноши благородного происхождения». Идеал калокагатии стал этической и общественной ценностью не только своего времени. Очищенная от сословных предрассудков идея гармонично развитого человека вошла в культурный фонд мировой цивилизации.

Все юноши Древней Греции, начиная с 18 лет (в некоторых полисах с 16), проходили военную подготовку. Она длилась 2–4 года. В это время молодых людей называли *эфебами*. В течение первого года они изучали воинское искусство, владение оружием, а в дальнейшем несли службу на границах своих земель. Молодые воины обычно не принимали участия в битвах. Но пограничная служба готовила их к настоящей войне. Институт эфебии существовал долгое время и даже пережил греческий полис: эту форму организации переняли римляне. В ходе своей эволюции эфебия из всеобщей воинской подготовки превращается в элитарный институт. В эллинистическую эпоху и позже эфебами становятся юноши из самых знатных и состоятельных семей. Они получают теперь не только военную и физическую, но и интеллектуальную подготовку, занимаются риторикой, философией, литературой.

Спартанская система образования отличалась от общегреческой своим централизованным характером, целями и методами. В Спарте обучение находилось в ведении государства,

и уже с 7 лет мальчики передавались под опеку общества. Они жили в лагерях, где большими группами под руководством наставников занимались физической подготовкой. Эта система была направлена на то, чтобы сделать из человека превосходного воина, «боевую машину». Специальной тренировкой вырабатывалась нечувствительность к жаре, холоду, голоду, боли (по крайней мере, юноша не должен был подавать вида, что испытывает ее). Спартиат призван был являть собой образец мужества, железной силы воли. Начиная с 7 лет, мальчики ежегодно подвергались испытанию поркой в храме Артемиды. Поскольку нельзя было показывать свои страдания, случалось, что они умирали под розгами. Кроме физического воспитания, дети учились читать, писать, считать, изучали отечественную историю, гимны, героические традиции своей страны. Обучение должно было прививать патриотические чувства.

В старшем возрасте (около 20 лет) юноши сдавали «выпускной» экзамен, проходя своеобразную инициацию. В течение года, как пишет об этом Платон, они должны ходить зимой босиком, спать без постели, обходиться без слуг. Ночью и днем скитались они по всей стране, избегая попадаться людям на глаза. Одновременно их использовали как агентов «тайной полиции», организуя *криптии* – карательные экспедиции против илотов (у спартанских юношей входила в обучение практика первого пролития крови). Успешно пройдя это испытание, юноша вступал в ряды полноправных граждан.

Девочки в Спарте учились вместе с мальчиками. Они занимались гимнастикой, бегали, прыгали, играли в мяч, так как женщина должна была быть физически крепкой, чтобы рожать здоровых и сильных воинов. В некоторых полисах существовало коллективное, даже государственное обучение девочек. Но чаще всего они, как в Афинах, учились дома, главным образом рукоделию, ведению домашнего хозяйства, чтению и письму и, конечно же, обязательной для любого грека триединой хоре.

Образование – привилегия свободных. Рабам в Греции (тем, которые рождались в доме хозяина) прививались только необходимые хозяйственные навыки. К занятиям спортом они не допускались, поскольку эти занятия готовили воинов, развивали силу и мужество.

Глава 4

Город и жилище. Питание. Костюм

Город и жилище

Греческие города-полисы имели ряд отличительных особенностей. Центром общественной жизни являлась *агора* – рыночная площадь, которая первоначально служила и местом проведения народных собраний. Как правило, она размещалась у подножия холма, и места для участников эклессии находились на склонах, образуя амфитеатр. Агору окружали общественные и культовые здания: великолепные храмы, возведенные в честь богов – покровителей полиса, здания городского совета, суда, канцелярии. Каждый полис чтит своего «бога-градодержателя», храм которого строили в особо защищенном месте, в городской цитадели. Она располагалась обычно на возвышенности и потому называлась *акрополем* (верхним городом). Здесь находились святилища и хранилась государственная казна. Как правило, в греческих полисах имелись театр, гимнасии, палестры, а в эллинистическое время и публичные библиотеки. На агоре или рядом с ней строили экседры и портики-стом – крытые галереи с колоннадой. Они защищали от солнца и были излюбленным местом для торговцев, философов и всякой праздной публики. Агора являлась символом гражданского полисного устройства, особым пространством общественной жизни, где свободный грек проводил большую часть времени: здесь он продавал и покупал, узнавал новости, слухи и сплетни, объявления и распоряжения властей.

Для классической эпохи характерна прямоугольная городская планировка. Прямоугольная сетка улиц разделяла городскую территорию на кварталы, оставляя свободным пространство для агоры и общественных зданий. Этот принцип планировки разработал в V в. до н. э. Гипподам из Милета, известнейший греческий архитектор. С его именем связано появление градостроительства как теоретической и практической дисциплины. Он планировал застройку афинского порта Пирей, городов Фурии и Милета.

Жилые дома классического периода не сохранились, до настоящего времени дошли только отдельные фундаменты и основания стен. Наряду с этими фрагментами воссоздать внешний и внутренний вид жилищ позволяют их подробные описания, например, сделанные римским архитектором Витрувием. Вплоть до эпохи эллинизма жилые дома не имели большого общественного значения: свободные мужчины большую часть времени проводили вне дома, женщины вели замкнутый образ жизни и в общественных делах практически не участвовали. Уменьшению роли жилищ способствовал также жаркий южный климат, поэтому их внешнему и внутреннему устройству греки не уделяли особого внимания, и дома состоятельных граждан незначительно отличались от домов бедноты. Материалом для постройки мог быть необожженный кирпич и дерево, для фундамента использовался камень, а крыша покрывалась черепицей. Стены были тонкими, и дом в целом не представлял собой укрепленного сооружения.

Основная форма древнегреческого дома – *мегарон*. Это удлиненное прямоугольное строение со входом в торце, боковыми стенами и колоннадой (портиком) – спереди. Однокомнатное помещение со временем трансформировалось в многокомнатное жилище. Жилые помещения не выходили непосредственно на улицу, а группировались около *перистилья*, внутреннего открытого двора, окруженного колоннами. Часто его украшал бассейн или водоем. Перистиль известен с IV в. до н. э., но особое распространение получил в эллинистический период и в античном Риме. Жилище делилось на мужскую и женскую половину.

В мужской половине (*андроне*) находилась комната, где хозяин дома принимал посетителей и друзей, устраивал симпозионы. Здесь же была главная комната дома с очагом или жертвенником Гестии, вокруг которых собиралась вся семья. Женская часть (*гинекея*) – более удаленная, там жили хозяйка дома, ее маленькие дети, дочери и служанки.

Особую заботу о простоте и единообразии жилищ проявляли в Спарте. Двери и крыши домов по закону могли быть только деревянными, причем изготовлялись они лишь с помощью топора и пилы. Искусственное поддержание старого порядка позволяло Спарте до известного времени сохранять равенство граждан в нормативной простоте их быта. В других же полисах происходил процесс дифференциации населения с концентрацией бедности и богатства на разных полюсах. В эпоху эллинизма возникают новые веяния: идеал скромности и простоты уходит в прошлое, растет стремление к комфорту, богатство выставляется напоказ, и потому дома богачей все больше выделяются среди прочих. Они, как правило, окружены садами и парками.

Интерьер греческих жилищ до эпохи эллинизма отличался простотой. Стены расписывали темперой, наносившейся на штукатурку. Как правило, роспись имела вид одноцветных пространств, например, три цветных горизонтальных поля: белое, желтое и красное. Красный был излюбленным цветом греков. Если стену покрывали краской целиком, то у пола проводили цокольную полосу белого или желтого цвета. Позднее появилась роспись, имитирующая кладку из обтесанных каменных блоков. Орнамент в Древней Греции имел чисто декоративную, а не символическую функцию. Его основные мотивы – *пальметта*, *меандр*, *ионики*, *кима*, *листья аканта*, *букрании*. У специалистов нет достаточных данных, чтобы с уверенностью говорить о наличии тех или иных видов интерьерной декорации. Однако тот факт, что не найдено других типов росписи, не свидетельствует о ее отсутствии. Единый стиль господствовал во всех видах изобразительных искусств. Живописный и рельефный декор стен, пола и потолка повторял рисунок, наносившийся на металл, ткани, ювелирные изделия, керамику и т. д. Растения, животные и сам человек могли изображаться как в естественном виде, так и стилизовано.

Полы во многих домах представляли собой утоптанную землю, для вторых этажей использовалось деревянное перекрытие. В более богатых домах пол делали мозаичным. Чаще всего мозаику выкладывали из отшлифованной гальки черного и белого цвета, иногда добавляли красную и серую. Наиболее популярный рисунок – круг, вписанный в квадрат. Еще со времен архаики распространено очерчивание мозаичным рисунком контуров отдельных предметов мебели или интерьера, например ложа. Для великолепных мозаик периода эллинизма использовали свыше 50 разновидностей специально ограненных кубиков (*тессер*) из мрамора, стекла, блестящего колотого кварца и т. д.

Сложные, роскошные эллинистические мозаики демонстрируют разнообразие сюжетов и материалов, мастерство исполнения. Они изображают животных и людей, растения и птиц. Один из любимых сюжетов, в том числе в Риме – голуби. Мозаика из Пергама получила название «Дом с неподметенным полом», так как художник искусным рисунком создал впечатление мусора, разбросанного по полу.

Потолки были плоскими или с обнаженной балочной конструкцией, с IV в. до н. э. их начинают расписывать. Арочные своды были в течение долгого времени неизвестны грекам, так же как и внутренние двери. Друг от друга помещения отделяли занавесы. Греки использовали многоцветные, богато затканые традиционными орнаментами драпировки для оформления интерьера, развешивая ткани по стенам, искусно драпируя их или украшая ими предметы мебели. Насыщенные, яркие цвета: синий, зеленый, лиловый, пурпурный, красный – излюбленные краски античного мира. Даже скульптуры и архитектурные сооружения считались законченными, лишь будучи раскрашенными.

Мебели в доме было немного. Оригинальная греческая мебель не сохранилась, и представление о ней можно составить лишь косвенным путем, благодаря рисункам на вазах, рельефным изображениям, тонаграм, которые свидетельствуют о высоком уровне мебельного производства. Существовали самостоятельные профессии столяра, плотника, мебельщика. В мастерских работали как рабы, так и свободные граждане. Использовались рубанок, токарный станок и многие другие инструменты. Греки владели сложными технологиями: делали шпон, могли создавать гнутые формы, украшали мебель *интарсией* (мозаикой по дереву). Мебель была изящна, проста и удобна. Наиболее важными предметами в быту являлись сундук (ларь) для хранения вещей²¹, ложе для сна и еды. Высокие ложа – *клинэ* имели раму, профилированные ножки и наклонное изголовье. На них клали матрасы, подушки, украшали красивыми покрывалами. Стол – второстепенный предмет обихода: кроме рабочих, использовались переносные обеденные *столики-трапедзы* круглой, прямоугольной, трапециевидной формы, зачастую имевшие три ножки. Они были невысоки, и после еды их задвигали под ложа (стол был ниже ложа). Мебель для сидения разнообразна и богата. Это табуреты, в том числе складной Х-образной формы (раб обычно носил его за своим господином), лавки, парадные кресла, напоминающие восточный церемониальный трон. Последние изготовлялись иногда даже из мрамора (как кресла в первом ряду театрона). Для повседневного обихода использовался элегантный стул с серповидными ножками – *клизмос*. Он был популярен на протяжении всего периода античности, пользовались им преимущественно женщины. Клизмос – шедевр древнего мебельного производства, в нем функциональность сочетается с художественным решением.

Кроме мебели, жилища в большом количестве украшали керамические предметы – изделия еще одной высокоразвитой отрасли производства. Из керамики изготовляли строительные материалы, статуэтки (статуи), разнообразную посуду, объединенную общим названием «вазы». К вазам относятся также посвятельные и погребальные сосуды. Виды ваз как бытовой посуды были чрезвычайно разнообразны: например, для питья служили *килик*, *канфар*, *скифос*, *ритон*; для хранения воды, масла и вина, для смешивания вина с водой – *амфора*, *пелика*, *кратер*, *стамнос* и др. Вазы, как правило, расписывали (чернофигурная, краснофигурная вазапись), делали надписи. В доме также имелись разнообразные предметы из бронзы – масляные светильники, жаровни, треножники и др.

Питание

Судя по поэмам Гомера, главными продуктами питания греков в те времена были хлеб (пшеничный или ячменный), мясо и вино (очевидно, речь идет не о простых общинниках). Именно эти продукты и составляли основу питания на протяжении многих веков, образовав так называемую европейскую триаду. Ели в основном ячменный хлеб, так как пшеничный был слишком дорог. Однако со времен Солона, т. е. начиная с VI в. до н. э., даже ячменный хлеб доступен уже далеко не всем. Каждая семья пекла его для себя, но в V в. до н. э. появляются профессиональные пекари. Пекарни держали свободные граждане, работали же в них преимущественно рабы. Хлеб выпекали из разной муки, из дрожжевого и пресного теста, существовал даже диетический хлеб, который изготовляли без соли.

Мясо – основной продукт питания аристократии. Его готовили разными способами, часто просто жарили на вертеле, хозяин делил его на порции с учетом занимаемого положения и заслуг того лица, кому они предназначались. Беднота питалась всевозможными кашами или крупяными похлебками. Кроме того, в рацион обязательно входили овощи, хотя овощной стол не был так богат, как сейчас: капуста, лук, чеснок, салат, стручковые (горох,

²¹ Шкафы применялись мало, главным образом для хранения папирусных свитков.

бобы), репа, земляная груша. Употребляли сыр, кисломолочные продукты, а также растительное (оливковое) масло. Начиная с эпохи архаики все большее значение приобретают рыба и морепродукты. В первое время их могла позволить себе беднота, но постепенно они становятся все более дорогими и потому недоступными простым людям.

Завтрак приходился на ранние утренние часы, днем был обед, а вечером – ужин. Первый мог состоять всего лишь из куска хлеба, смоченного в вине, а ужин – из ячменной каши. С переходом к классике время обеда сдвигается к вечеру в связи с тем, что основную часть дня свободные греки проводили в общественных местах. В классическую эпоху (с V в. до н. э.) в Греции развивается искусство кулинарии. В период архаики греки узнали много интересного о разных странах, их обычаях, в частности, познакомились и с кухней этих стран. Все больше появляется новых рецептов, все искусней становятся греческие повара, возникает мода на кулинарные книги. Выходят не только практические, но и теоретические труды по кулинарии, этим занимаются даже философы. Отмечая важность кулинарии, один из софистов приравнивал ее к искусству ваяния.

Вино являлось неременным атрибутом античной цивилизации. Его греки, как правило, разбавляли водой. Пить неразбавленное вино считалось варварством. И Греция в целом, и отдельные ее районы славились отличными винами. Известны хиосское, косское, родосское и др. Вина были разнообразны: белые, золотые, красные, темные, крепленые, сладкие, легкие. Богатые люди предпочитали выдержанные, беднякам же приходилось довольствоваться вином, изготовленным из выжимок.

В Спарте свободные граждане устраивают совместные *трапезы-фидитии* (сисситии). Каждый спартиат делает свой взнос продуктами (вино, сыр и т. д.) или деньгами. Излюбленным и традиционным блюдом были знаменитые «черные похлебки» из свинины. Пожилые люди отдавали молодым мясо, традиционно предпочитая эту похлебку. Вообще рацион в Спарте был скудным.

Кроме того, спартанцы строго следили за тем, чтобы не допускались пьянство и разгул. Напиваться не воспрещалось лишь рабам, которые в пьяном виде являли собой для молодых спартанцев наглядный пример вреда пьянства.

В классической Греции традицией античной жизни становятся пиры – *симпосионы*. Это одна из повседневных ценностей греческой античности, форма высокого Досуга, достойного свободнорожденного грека, о которой рассуждал Аристотель. Он представлял собой ритуал, имеющий определенный распорядок, те или иные правила. Симпосион являлся важным элементом публичной жизни, общения и одновременно священнодействием в кругу хороших знакомых и друзей. Наделенный особым смыслом, он выражал некий культурный контекст «симпосионного образа жизни» (О. Мюррей). Устраивая пир, хозяин приглашал гостей к себе домой, либо снимал помещение. Он также нанимал повара, возможно, и не одного.

Пир начинался с того, что пришедшим гостям рабы мыли ноги, возлагали на них венки из цветов и провожали к ложам. С VI в. до н. э. у греков вошло в обычай принимать пищу лежа, что касалось только мужчин. Женщины могли присутствовать на трапезе исключительно в узком семейном кругу и сидя на стульях. Во время приема гостей женщина удалялась на свою половину, симпосион проходил на мужской половине дома. Когда гости занимали свои места, рабы вносили столики с едой, избирался *симпосиарх* – распорядитель пира. Он решал, что, как и в какой последовательности будет происходить на данном вечере. Остальные *симпосиасты* должны были подчиняться ему. Культурная программа зависела от интеллектуального уровня гостей, их интересов. Это могли быть философские споры и политические дискуссии, чтение поэм и произнесение речей, загадывание загадок и проведение диспутов, а также и совсем непритязательные занятия, как, например, игра в кости или *коттаб* (популярная застольная игра, состоявшая в умении так выплеснуть остатки вина в

маленькую чашечку, плавающую в воде, чтобы она утонула, или попасть в диск, укрепленный на вертикальной опоре, чтобы он упал). На симпозионы приглашали танцовщиц, флейтисток, гетер, которые занимали общество беседой, пением и танцами.

Описания пиров (литературный жанр симпосий) оставили Платон и Ксенофонт, Плутарх и Лукиан. Конечно, не всякий пир можно уподобить платоновскому, описанному в его классическом произведении «Пир»²². Пристрастие к пирам настолько вошло в обыкновение у греков, что властям приходилось вмешиваться, ограничивая расходы на пиршественные мероприятия. Бедняки далеко не всегда были в состоянии устраивать пиры и участвовать в них. Многие из них едва могли позволить себе хлеб, овощи и мучные похлебки. В комедии Аристофана «Богатство» Нищета хвалилась, что она дает ремесленнику вместо хлеба салат и малву, а вместо каши – засохшую ботву.

Костюм

В греческом костюме классической эпохи нашли воплощение эстетические идеалы античного общества: гармония, ясность, совершенство пропорций и ритма. Древние греки создали особый тип одежды – драпированный костюм. Он очень прост: прямоугольные куски ткани драпировались на фигуре различными способами, создавая сложный и разнообразный ритм складок, выявляющий красоту человеческого тела, придающий одежде индивидуальность и пластичность. Формы драпировок созвучны основной архитектурной форме того времени – высокой канеллированной колонне.

Материал – шерсть и лен. Ткани выделывались ручным способом на вертикальном ткацком станке. Они получались рыхлыми, типа современного крепа, и хорошо драпировались. Одежда была полихромной. В эпоху архаики были распространены ткани с рисунком, но в классический период они вытесняются гладкими одноцветными: красными, желтыми, зелеными и т. д. с вышитой, вытканной или раскрашенной каймой. Излюбленный цвет – белый. Самые распространенные виды одежды – хитон и гиматий как для мужчин, так и для женщин.

Мужской *хитон* состоял из прямоугольного куска ткани размером 1х1,8 м, сложенного пополам в долевом направлении и скрепленного двумя застежками-фибулами на плечах. Боковые стороны сшивали и подшивали низ. (Неподшитый подол – знак траура или рабства.) Хитон, как правило, был коротким, до колен, и подпоясывался одним или двумя поясами. Для большей свободы движений могли отстегнуть пряжку и спустить его с правого плеча, например для стрельбы из лука или других упражнений. Длинные хитоны носили жрецы, должностные лица, актеры и участники священных игр, например, возницы.

У *гиматия* (плаща) – длинного прямоугольного куска ткани (2,9 х 1,8 м), одну заложенную складками полу спускали на грудь с левого плеча, оставшуюся ткань расправляли на спине и пропускали под правой рукой, оставляя правое плечо открытым, затем, уложив ее красивыми складками, перебрасывали через левое плечо на спину. Это был самый распространенный способ ношения гиматия. Свободный конец можно было также набросить на правое плечо или перекинуть через левую руку. Гиматий – верхняя одежда, однако мужчины (спартанцы) зачастую носили его без хитона, надевая прямо на тело. На всех торжественных собраниях, шествиях греки появлялись в гиматиях. Рабы, крестьяне, ремесленники ходили в грубых шерстяных хитонах, спущенных с правого плеча (*экзомисах*), а то и просто в набедренных повязках. Обувью для мужчин и женщин служили преимущественно сандалии. Шапок обычно не носили, а во время путешествий покрывали голову круглой фетровой шляпой с полями.

²² Платон. Соч. Т 2. М., 1970.

Одежда воинов-гоплитов включала в себя, помимо хитона и хламиды, доспехи, отличавшиеся функциональным совершенством и художественным оформлением. К ним относились шлем – первоначально простой, впоследствии более сложный, с гребнем, перьями или конским хвостом; панцирь – металлический либо кожаный с нашитыми металлическими бляхами, и поножи. Доспехи украшались чеканными орнаментами, рисунками на мифологические сюжеты и т. д.

Женские хитоны были двух типов: хитон с отворотом – *диплоидием* и широкий ионийский хитон. Первый представлял собой, как и мужской, прямоугольный кусок ткани. Отличие состояло в том, что верхний край отгибался, образуя отворот-диплоидий, придающий особую живописность женскому костюму. Диплоидий имел различную длину (до груди, талии или бедер), украшался вышивкой или делался из ткани другого цвета (в период эллинизма), что подчеркивало изысканность женщины. Хитон подпоясывался один или два раза, а излишек длины образовывал своеобразный напуск – *колпос*. Спартанские девушки не сшивали хитон с правой стороны, и получался старинный *непелос* (прозвище спартанок – голобедрые). Защищаясь от солнца, дождя, нескромных взглядов, а также в знак печали женщины покрывали голову диплоидием. Ионийский хитон делали из двух широких кусков тонкой гофрированной ткани. На плечах и руках до запястья переднее и заднее полотнище скрепляли заколками, затем хитон подпоясывали крестообразно и драпировали колпос. Верхней одеждой был гиматий, и при выходе на улицу его краем они прикрывали голову. Женщины из бедных сословий носили ту же одежду, однако она была проще, меньше по объему, без пышной драпировки. Ткани не отличались яркими красками и не украшались богатой каймой. Рабыни не носили гиматия, их хитон был короче принятого в среде свободных женщин.

Что касается причесок, то юноши предпочитали длинные волосы, мужчины в зрелом возрасте – более короткие. Борода считалась признаком мужества. У женщин основным типом прически в классическую эпоху был так называемый греческий узел. Спереди разделенные пробором волосы опускались на лоб (высокий лоб не считался признаком женской красоты), а на затылке поднимались и собирались в узел, который поддерживался с помощью сеток, шпилек, повязок, зачастую представлявших собой произведения ювелирного искусства. Подчеркивая изящную линию шеи и головы, греческая прическа гармонировала с драпированным костюмом, создавая единый художественный образ.

В эпоху эллинизма благородная скромность уходит в прошлое, господствуют новые вкусы – страсть к дорогим нарядам, украшениям, демонстрации своего богатства. Появляются богатые восточные ткани (шелк, хлопок), новые виды одежды, способы ее ношения. Общий тип драпированного костюма был воспринят и развит в Риме и сохранялся еще на протяжении нескольких столетий.

Античный Рим

Царский Рим (VIII–VI вв. до н. э.)

По легенде Вечный город был основан двумя близнецами, выкормленными молоком волчицы, – Ромулом и Ремом. Согласно исчислению Марка Терренция Варрона, это произошло в 753 г. до н. э.

Ранний период древнеримской истории прошел под знаком культурного доминирования этрусков²³, искусных мореплавателей, давших свое имя Тирренскому морю, ремесленников, строителей, возводивших благоустроенные города («этрuscoский ритуал»). Этруски подарили римлянам своих богов²⁴, символы и ритуалы, в том числе воинские триумфы и погребальные обряды, а также правила гадания, называемые «этрuscoское учение».

Полноправное население Рима представляли три этнических элемента (племени): латиняне, сабиняне, этруски. «Римский народ» делился на естественно сложившиеся патриархальные роды (сначала 100, затем 200 и 300), в свою очередь, объединявших патриархальные (отцовские) семьи, являвшиеся самостоятельными хозяйственными единицами. Во главе римской общины стоял царь, избиравшийся народным собранием. Античная традиция насчитывает семь царей. Он был военачальником, жрецом и судьей, обладал *империем*, т. е. высшей военной и гражданской властью. Наряду с царем правил *сенат* – совет старейшин, куда входили главы родов (первоначально 100, затем 300 человек). Этот орган утверждал решения *комиций* – народных собраний.

Представители родов, принимавшие участие в народных собраниях, именовались *патрициями* (от слова «патер» – отец). Таким образом, первоначально понятия «патриции» и «народ» совпадали. Все граждане делились на *трибы* и *курии*. Данные структурные подразделения использовались как для набора войска, так и для организации народных собраний. Кроме патрициев, становившихся постепенно привилегированным слоем, в Риме появляется другая категория свободного населения – *плебеи*. Они были чужаками, не коренным населением, и потому не участвовали в народных собраниях и не входили в общину полноправных граждан. Формируется институт *клиентелы* (от слова «послушный») как формы социальной зависимости.

С течением времени уходят в прошлое порядки военной демократии: устройство римского общества усложняется, возникают социальные конфликты. Решить назревшие вопросы была призвана реформа Сервия Туллия, вводившая деление граждан на разряды в зависимости от имущественного ценза. Опорой общества, подлежащими набору в войско становились имущие разряды. Бедняки, имевшие только детей (пролес), образовывали разряд *пролетариев* и стать воинами не могли. В результате было создано новое общественное устройство, а конфликты между патрициями и плебеями приобрели социально-классовый характер.

²³ Они фигурируют в истории как «загадочный народ», так как до сих пор дискуссионным остается вопрос об их происхождении и языке.

²⁴ Главные боги этрусского пантеона идентифицировались позднее с Юпитером, Юноной и Минервой.

Республика (V–I вв. до н. э.)

После свержения последнего царя Тарквиния Гордого (510 г. до н. э.) управление государством объявляется всенародным делом – установлена республика. Во главе государства стоят два *консула*, избирающиеся ежегодно.

Они имеют право обладания империем, ограниченное только правом *вето*, которое один консул мог наложить на решение другого.

Ранняя римская республика (V–IV вв. до н. э.) приобретает черты полиса, формируется частная собственность на землю (особенность античной земельной собственности – контроль полиса за эксплуатацией земли). Полноправными гражданами считаются только патриции. Главным событием римской истории V–IV вв. до н. э. является борьба плебеев за решение земельного вопроса, облегчение (ликвидацию) долговой кабалы, получение гражданских прав. Власти вынуждены ввести институт народных *трибунов*, защищающих интересы простых людей²⁵. Закон Петелия 326 г. до н. э. отменяет кабальное рабство для римских граждан и членов их семей. Растет роль плебейских собраний: решения, принятые на них (*плебисциты*), получают силу законов. Двухсотлетний период борьбы завершается включением плебеев в состав «римского народа». Образуется новая патрицианско-плебейская аристократия – *нобилитет*, а термин «плебеи» с этого времени обозначает простой народ, «низы», противостоящие «верхам».

В результате этих социальных трансформаций было сформировано римское государственное устройство. Оно имело трехчленную структуру: народное собрание, магистратуры, сенат. Существовали различные виды комиций, на которых происходили выборы должностных лиц и принимались законы. Исполнительная власть принадлежала магистратам. Все должности считались почетными, так как их давал народ. Самым влиятельным государственным органом являлся сенат²⁶, служивший оплотом традиций и представлявший интересы аристократии. В римской общине гражданам были предоставлены права: участие в комициях, занятие почетных должностей, владение имуществом, ведение дел и заключение брака по римским законам.

В V–IV вв. до н. э. римляне воевали со своими ближними и дальними соседями по Аппенинскому полуострову. К концу этого периода из побежденных городов образуется союз италийских общин во главе с Римом. Возникают своеобразные государственно-правовые отношения по принципу «разделяй и властвуй»: победитель устанавливает различные статусы для побежденных: союзники делятся на *муниципии* и колонии, которые управляются по-разному и обладают разными правами (помимо римского, появляется латинское и церитское право). Военная активность римлян привела к формированию классического рабства. К началу периода поздней республики (III–I вв. до н. э.) Рим превратился в крупное рабовладельческое государство.

С завоеванием Италии римская экспансия вышла за пределы Апеннинского полуострова. С III в. до н. э. начинаются войны с Карфагеном²⁷ за преобладание на Средиземном море. Добившись нелегкой победы в первой Пунической войне (от слова «пуны» – финикийцы), римляне получили *провинции* Сицилию, Сардинию и Корсику («собственность»

²⁵ Трибуны выдвигались из плебеев и обладали правом неприкосновенности. Они могли вмешиваться в действия властей, накладывая вето на их решения (предлагаемые законы), исходя из соображений их соответствия интересам плебеев.

²⁶ Он комплектовался из бывших магистратов. Список сенаторов открывало имя старейшего – принцепса, который при поименном опросе высказывался первым.

²⁷ Карфаген, основанный финикийцами, господствовал на севере Африки, имел свои колонии в Испании и на Сицилии.

римского народа). Выстояв во второй Пунической войне, длившейся почти 16 лет²⁸, римляне в ходе третьей захватили и уничтожили Карфаген²⁹.

Все это время Рим, преследуя свои политические и военные интересы, вел войны в других регионах, в частности на Балканах и в Испании, постепенно завоевывая их и превращая в новые провинции.

В результате завоеваний III–II вв. до н. э. Рим становится крупнейшей средиземноморской державой, полным хозяином на Средиземном море. Римскими провинциями управляли наместники, сосредоточившие в своих руках всю полноту военной и судебной власти. Помимо выплаты налогов, провинции обязаны были предоставлять Риму вспомогательные военные контингенты, содержать легионы. Наиболее тяжелым для провинциалов являлся способ взимания налогов, отдаваемого на откуп частным лицам – *публиканам*. Появляется торгово-ростовщическая знать – *всадники*.

Захватнические войны и ограбление колоний принесли Риму сказочные богатства, усилили социальное неравенство, моральное разложение общества: аристократия обогащалась, крестьянство, основа легионов, нищало и вымирало. В начале II в. до н. э. развернулась борьба за земельную реформу, против которой выступал нобилитет. Крупнейшее демократическое движение возглавили народные трибуны братья Тиберий и Гай Гракхи³⁰.

Использование в политической борьбе открытого насилия привело в скором времени к гражданским войнам. Общество расколосось на «партии» популяров (сторонников реформ, народного собрания, народа) и оптиматов (ставленников сената и аристократии). Лидеру популяров Гаю Марию³¹ противостоит аристократ Луций Корнелий Сулла, который устанавливает свою диктатуру (82–79 гг. до н. э.). В стране царит террор, свирепствуют карательные отряды, выставляются *проскрипции* – списки разыскиваемых врагов, имущество которых конфисковывается. На политическую сцену выдвигаются новые фигуры: Помпей, Красс, Цезарь³². Они образовали антисенатский союз – *триумвират*, договорившись о мирном разделении власти. После его распада Цезарь со своими легионами «перешел Рубикон» (пограничную реку), захватил Рим и разгромил Помпея.

Одержав победу, Гай Юлий Цезарь устанавливает новый политический строй – диктатуру, начав реформирование основ государства. После его гибели от рук заговорщиков (44 г. до н. э.), эти начинания продолжили его приемный сын – Гай Юлий Цезарь Октавиан и лидер цезарианцев – Марк Антоний. Они разделили сферы власти: Антоний получил восточные провинции, а Октавиан – западные и Италию. Обострившееся соперничество между ними привело к военным действиям, в которых Октавиан одержал в 31 г. до н. э. решающую победу при мысе Акций³³. Этими событиями закончилась долгая история республиканского периода. Рим вступил в эпоху ранней империи (*принципат* – I–II вв. н. э.).

²⁸ Она известна многими драматическими эпизодами, в том числе легендарным боевым переходом карфагенского полководца Ганнибала через Альпы, хрестоматийной битвой при Каннах, в которой погибло практически все римское войско.

²⁹ Крылатые слова Катона Старшего, выражавшего интересы торгово-ростовщических кругов: «Карфаген должен быть разрушен», претворились в жизнь: город сравняли с землей, жителей продали в рабство, а на этой территории основали провинцию Африка.

³⁰ Они и их сторонники погибли во время столкновений. Римский народ чтит память братьев Гракхов, а их имена стали нарицательными.

³¹ Консул-полководец Марий фактически провел военную реформу, открыв доступ в армию неимущим пролетариям. Армия делается субъектом политики.

³² Гней Помпей, прозванный Великим, выдающийся полководец, подавил мятеж в Испании, освободил Средиземное море от пиратов, одержал победу над Митридатом. Марк Лициний Красс славился знатным родом и несметными богатствами. Ему принадлежит слава победителя Спартака. Гай Юлий Цезарь – легендарный полководец, покоритель Галлии и выдающийся государственный деятель.

³³ Антоний и его жена, египетская царица Клеопатра, покончили с собой. Египет превратился в Римскую провинцию.

Империя (I–V вв. н. э.)

Оставшись единоличным правителем, Октавиан добился от сената неограниченной власти (27 г. до н. э.)³⁴. «Благодарный» сенат даровал ему почетный титул «Август», т. е. священный, и нарек «отцом отечества». Сосредоточив в своих руках власть, Август развернул широкую программу реформ, направленных на стабилизацию положения в стране, восстановление старых «отеческих нравов». Век Августа считается «золотым веком» римской культуры: искусство и наука переживают период расцвета, формируется классическая античная культура, вошедшая как важнейшая составная часть в европейскую и мировую цивилизацию. Создается официальная идеология, в которой Риму уготована роль властелина и вечное величие – идея Вечного города.

После Августа страной правили его наследники из династии Юлиев-Клавдиев: Тиберий (14–37), Калигула (37–41), Клавдий (41–54), Нерон (54–68). В исторической традиции³⁵ они предстают как полубезумные жестокие деспоты, обуянные противоестественными страстями и попирающие все божественные и человеческие законы. В эпоху Антонинов, правивших в течение всего второго столетия, римская империя достигает наивысшего расцвета: происходит экономический подъем, в обществе царит социальная и политическая стабильность. Наиболее известные деятели этого периода – Траян (98–113) и Марк Аврелий (161–180)³⁶. Однако период благоденствия длился недолго. Во второй половине II в. на государство обрушились всевозможные бедствия, в том числе нападения варваров, эпидемия чумы.

Третий век ознаменован общим кризисом, угрожавшим самому существованию империи. После убийства последнего представителя династии Северов (235) наступил полувековой период политического хаоса. Так называемые «солдатские» или «сенатские» императоры чрезвычайно быстро сменяют друг друга. Усилился натиск варварских племен, сепаратизм провинций.

Положение несколько стабилизировалось только в конце III в. при императоре Диоклетиане (284–305), реформы которого позволили империи просуществовать еще более 150 лет. Они были продолжены его преемником Константином (306–337). Правление Диоклетиана открывает эпоху поздней империи (*доминат* – IV–V вв.). Императорская власть окончательно признана абсолютной и божественной. Император уже не принцепс, а *доминус* – господин, владыка³⁷. Государство превращается в восточную деспотию, а граждане – в подданных (в 219 г. император Каракалла даровал римское гражданство большинству населения). Реальная власть сосредоточивается в императорском совете – священной консистории. Резиденции императора теперь расположены вне Рима: в Медиолане, Равенне, Константинополе (основанном на месте города Византия Константином и получившем его имя). В 395 г. империя была разделена на восточную и западную части.

В поздней античности идет поиск новых форм хозяйственных отношений. Широкое распространение получают различные формы аренды земли, в том числе *колонат*, который становится переходной формой к феодальным отношениям.

³⁴ Октавиану были предоставлены пожизненные полномочия народного трибуна, титул императора. Кроме того, он получил высшую проконсульскую власть и звание принцепса, был избран верховным понтификом.

³⁵ Она создается приверженцами сенатской оппозиции, чрезвычайно враждебными по отношению к этой династии. Сенатская оппозиция и террор против нее касались довольно узкого круга высшей знати.

³⁶ Доблестный полководец Траян разгромил Дакию, отодвинул границы империи за Дунай, захватил парфянскую столицу. Марк Аврелий – идеал мудрого правителя, «философа на троне».

³⁷ Особа императора объявляется священной, и в обиход двора входит сложный помпезный церемониал, заимствованный у персидских царей.

В идеологии происходит крушение официального «римского мифа», обосновывавшего господство полисных, а позднее имперских идеалов. Новый взгляд на мир, иную систему ценностей утверждает христианство. Оно предлагает своим сторонникам не только мировоззрение, но и единую сплоченную организацию верующих, выдержавшую тяжелые времена гонений. Процесс сближения государства с церковью завершается в конце IV в.: христианство становится государственной религией.

Непосредственной причиной падения империи (476) явились нашествия варваров³⁸. Слабеющая, разрушающаяся империя уже не могла дать им отпор³⁹. Судьба Восточной римской империи сложилась по-другому – под названием Византия она существовала до 1453 г.

³⁸ В 410 г. Аларих захватывает и грабит Рим, что производит ошеломляющее впечатление на современников, а в 455 г. вандалы разграбили город, уничтожив множество бесценных памятников культуры (отсюда термин «вандализм»).

³⁹ Последнего римского императора Ромула Августула сверг предводитель племени скиров Одоакр.

Глава 5

Патриархальность римской общины

Патриархальность, патернализм

Римская *civitas* являлась одновременно полисной общиной, государством, городом, а также общим наименованием граждан, выражением их гражданского права; это основная общественная форма «цивилизации» античного человека, в рамках которой проходит его повседневная жизнь. Она создает ценности и традиции, стереотипы сознания и поведения. Главная роль в ней принадлежит роду, который возглавляет отец – патриарх, обладающий исключительной властью. Государство представляет собой совокупность больших патриархальных семей, оно уподобляется семье, а семья – государству.

В бедном и враждебном мире община может выжить, только опираясь на всех своих членов, и поэтому чувство долга перед согражданами – один из важнейших принципов существования. Мораль времени требует отдать приоритет не личному, но общественному, т. е. интересам своего полиса. Автономии личности не существует, индивидуум растворяется в жизни коллектива. Коллективизм формируется самим бытием: совместными решениями народных собраний, совместным ратным трудом, общностью религиозного культа. Община контролирует своих членов: существует даже специальная должность цензора.

Как понятие патриархальность имеет различные смысловые оттенки: патернализм, архаичность, почитание традиций. Все они находят свое воплощение в феномене римской *civitas*. Патриархальная семья в буквальном смысле становится моделью римского мира. Семейные связи моделируют социальные: патрон является покровителем и защитником своих клиентов и вольноотпущенников. Отпущенник получает имя, место жительства и статус своего бывшего хозяина, в том числе «наследуется» римское гражданство. Обязанный господину «почтением и повиновением» (понятия юридически не уточняются), бывший раб зачастую становится доверенным лицом, посредником в деловых и политических предприятиях. Отношения клиентеллы, широко распространенные в римском обществе, воспроизводят семейные патриархальные связи в их политических, хозяйственных и моральных аспектах. И если военная и хозяйственная повинности клиентов уходят со временем в прошлое, но тем более возрастает морально-политическое значение клиентеллы. Защитников-патронов выбирают себе города и провинции, коллегии и союзы. Из числа клиентов вербуют политических сторонников. На патрональных отношениях клиентеллы покоилось как благополучие государства, так и римской аристократии.

Патриархальность как верность отеческим традициям приобретает характер нормы. Все свое, исконное, местное обретает особую ценность. Консервативная мораль требует благоговейного уважения древних устоев, законов и обычаев. Римляне мифологизируют собственную историю, сводя ее к перечислению героических деяний предков. Выступая в I в. в сенате, Кассий говорит, что он «нисколько не сомневается, что в старину во всех делах принимали лучшие и более правильные меры и что при всех переменах мы меняли лучшее на худшее». Пиетет старины довлеет над обществом. Патриархальные символы переходят из века в век, обретая дух сакральности. К *инсигниям* – знакам должностной и карающей власти, частично заимствованным у этрусков, относятся: *фасции* – пучки розг с воткнутым в них топориком; складное *курульное* кресло из слоновой кости; *ликторы*, шествующие перед высшими магистратами, а также формула S.P.Q.R. – «сенат и римский народ», которая изображалась на боевых знаменах, памятниках, монетах. (Даже в эпоху империи решения, едино-

лично принимаемые императорами, скреплялись традиционной формулой: «именем сената и римского народа».)

Идеал римлянина – воин и земледелец. Поскольку труд на земле традиционно почитался как достойное, богами ниспосланное занятие, выразителем полисных добродетелей становится консул и полководец Цинциннат – легендарная личность, образец римской доблести: он жил в деревне, трудился на своей земле, когда посланники сената призвали его принять диктаторские полномочия, чтобы спасти от гибели окруженные эквами римские войска. Разбив врага и сложив с себя диктаторские регалии, Цинциннат снова вернулся на свое поле.

Общинный мирок мал, противостоять окружающему его космосу, сохраняя свою идентичность он может, только защищаясь от чуждых воздействий, и поэтому он всегда тяготел к замкнутости, автаркии, был враждебен и агрессивен по отношению к своим соседям. Но судьба Рима сложилась необычно. Он непрерывно рос, «разбухал», впитывая в себя, как губка, отдельные земли, страны и народы, превратившись из маленькой общины в огромную империю. Занимая исключительное положение в античном мире, метрополия была открыта для культурных влияний. Космополитичный Рим вбирал в себя и ассимилировал знания и умения, обычаи и ритуалы, формы и модели. Он присваивал себе богов и их культы⁴⁰ так же, как золото и рабов, статуи и утварь, с неизменным успехом делал «своим» чужое искусство и науку, ремесла и развлечения. В этом плане особенно важен «греческий ряд» заимствований, в том числе изучение греческого языка, знакомство с литературой и философией, а также греческий театр, симпозионы и гетеризм.

Консервативные традиции в ходе исторического развития постепенно уходили в прошлое благодаря открытию ранее замкнутых границ, колоссальным богатствам, хлынувшим из покоренных земель, а также росту индивидуализма. Патриархальная мораль подвергалась циничному осмеянию в последние полтора-два века существования республики и в первые века империи (так называемая «эпоха падения нравов»). Отвергались, по сути, все традиционные ценности: верность долгу, заветам предков, отеческим святыням; чистая, целомудренная жизнь; скромность в быту; здоровый образ жизни. На смену приходили изнеженность, сибаритство и распутство. Однако память о традициях римской солидарности, доблести и добродетели сохранялась в сознании многих поколений.

КУЛЬТ ВОЙНЫ

История Рима – история бесконечных войн. Они играли особую роль в жизни римского общества, давая ему все: земли, богатства, даровую рабочую силу. Широкомасштабная и мощная военная экспансия могла осуществляться только при наличии хорошей организации военного дела. Римская армия строилась по принципу ополчения: каждый гражданин обязан был нести военную службу (возрастной ценз от 17 до 46 лет). Для ведения той или иной кампании набирались граждане определенных категорий.

Служба имела «цензовый» характер, в армию призывались только имущие, способные экипироваться за собственный счет. В самой войске сохранялся такой же подход: аристократия занимала командные должности, богатые служили в кавалерии, зажиточные граждане становились тяжеловооруженными воинами, а те, кто победнее, – легковооруженными. Реформа, проведенная Гаем Марием в 105 г. до н. э., сделав армию профессиональной, открыла доступ в войска неимущим, добровольцам-пролетариям. Легионерам устанавливалось денежное содержание, что после определенного срока службы гарантировало обеспе-

⁴⁰ Начиная от Сивиллиных книг, культов Аттиса и Вакха и заканчивая принятием христианства в качестве государственной религии.

ченное существование. Солдаты сплывались вокруг своего вождя – командира, ожидая богатой добычи и последующего наделения землей. Проводя дальнейшие реформы, Август Октавиан преобразует армию в регулярное войско, создает привилегированную императорскую гвардию – ими становятся преторианцы.

Основа армии – тяжеловооруженная пехота⁴¹. Названием войска и одновременно его главной структурной единицей являлся *легион*. Он, в свою очередь, строился из *манипул* и *центурий* (после реформы Мария введено новое подразделение – *когорта*). Боевой порядок легиона состоял из трех линий. Воины, сражавшиеся в них, различались по возрасту и, соответственно, по боевому опыту. В первой находилась молодежь до 24 лет, во второй – до 30, последними стояли *триарии*, самые опытные и закаленные ветераны. Они вступали в бой в критические моменты, когда первые линии не выдерживали натиска противника. Выражение – «очередь дошла до триариев» – стало поговоркой.

Воинское облачение состояло из щита, шлема, нагрудника и поножей. В ранне- и среднереспубликанское время оружие и доспехи отличались друг от друга, отражая социальный (имущественный) статус его обладателя; в позднереспубликанский период они стали единообразными, подразделяясь лишь по родам войск. Щиты были в основном трех типов: маленькие круглые, овальные или большие полуцилиндрической формы. Кожаный или металлический нагрудник-панцырь – *лорика* – прикрывал тело. Металлический шлем с нащечниками защищал голову. У командиров он украшался высоким султаном из красных или черных перьев⁴². Наступательным оружием обычно служил прямой короткий и широкий меч – *гладиус*; военачальники и полководцы носили особые острые мечи (кинжалы) – *паразониумы*. Обычным оружием римского легионера являлось копье, предназначенное для метания – *пилум*⁴³. В союзных и вспомогательных (не римских) частях использовались лук и стрелы, пращи. Легион располагал собственной боевой техникой, в том числе метательными орудиями, и оружейными мастерскими.

Возглавляли войско консулы (в период республики), *легаты*, а центурии и всаднические турмы – соответственно, – *центурионы* и *декурионы*. Каждый легион, когорта и манипула имели номера и названия (последнее только легион), свои военные знаки – *сигны*, считавшиеся священными. Обычно это были изображения животных – волка, коня, вепря, – прибитые к древку. Марий ввел *аквиллу* – орел с распростертыми крыльями – как единый знак легиона. У небольших подразделений были полевые штандарты – знамена из четырехугольного куска сукна, прикрепленного к перекладине древка. Полководцы обладали правом на пурпурные штандарты. При Траяне введены знамена в виде драконов, заимствованные на Востоке, в том числе императорские пурпурные драконы.

Римское войско славилось железной дисциплиной. Все подчинялось ей – от набора солдат до похода, устройства лагеря, сражения. В перерывах между боевыми действиями устраивались маневры и учения, организовывались тренировки, марш-броски. Повседневными мирными занятиями были также строительные и земляные работы: легионеры прокладывали дороги, строили дома и казармы, храмы и общественные здания. Дисциплину поддерживали суровыми наказаниями, и центурионы, например, всегда держали в руках розгу. Виды наказаний различны: уменьшение жалованья, разжалование, выставление к позорному столбу, а также телесные наказания, приводившиеся в исполнение военными ликторами или самими солдатами. Изменникам отсекали руки или приговаривали к травле зверями. Самая страшная кара – смертная казнь – могла последовать за невыполнение приказа,

⁴¹ Конница по своей численности более чем в 10 раз меньше пехоты: на 3 тыс. тяжеловооруженных пехотинцев приходилось 300 всадников.

⁴² Султаны могли носить и рядовые легионеры в особых частях, например в галльских легионах Цезаря.

⁴³ Пилум вонзался в неприятельский щит, и противник открывался, лишенный возможности свободно им действовать.

трусость, бегство с поля боя. Применялась при этом и так называемая *децимация*, т. е. казнь каждого десятого воина.

С другой стороны, в Риме была тщательно разработана система наград. Отличившимся в бою вручались наградные браслеты, цепи, копья. Существовали особые знаки отличия, отдаленно напоминающие современные медали, – *фалеры*⁴⁴. Эти бляхи чеканились из различных металлов, порой драгоценных, их носили на груди, прикрепляя к лорике. Особый вид наград – венки (согопа), высший из которых – венец триумфатора. Первоначально лавровый, а впоследствии из золота, он стал прообразом короны средневековых властителей. Венок из цветов и трав давался за снятие осады, из дубовых листьев – за спасение в бою товарища, в виде крепостной башни предназначался первому вступившему на стену вражеского города. Их могли носить как на голове, так и на шее, добавляя к ним ленты, повышавшие значение награды. Знаком отличия награждались не только отдельные люди, но и воинские подразделения, и в этом случае венки и фалеры прикреплялись на сигны.

В римском культе военной славы наиболее почетная награда – триумф, торжество – присуждалась за «достойную победу» и только по решению сената⁴⁵. Триумфальное шествие начиналось на Марсовом поле и проходило через весь город. Его возглавляли сенаторы и магистраты, за ними несли военные трофеи, вели пленных и заложников. Затем на колеснице, запряженной белыми конями, ехал увенчанный лаврами триумфатор. Он был в пурпурной одежде, расшитой золотыми пальмами, в руке держал скипетр из слоновой кости с изображением орла. Замыкали шествие воины-победители, распевавшие песни⁴⁶. На Капитолии победитель приносил благодарственную жертву Юпитеру. Заканчивалось все, как на любом добром празднике, угощением народа и воинов. Триумф предоставлялся редко, однако некоторые выдающиеся деятели получали его неоднократно. Цезарь, например, имел четырехкратный триумф. (В императорскую эпоху триумфаторами, как правило, становились сами императоры.) Если же поводов для подобного чествования было недостаточно, то устраивался так называемый малый триумф или орация. Эта церемония менее торжественна: триумфатор шествует на Капитолий пешком (или едет верхом), увенчан более простым венком и приносит Юпитеру менее значительную жертву.

Культ военной славы в Риме способствовал и появлению особых видов архитектурных сооружений – триумфальных арок, поводом для возведения которых обычно было победоносное завершение военного похода. Позднее, правда, их устанавливали и просто в знак величия какой-либо персоны, как правило, императора. Слава – неотъемлемая часть образа жизни и представлений патриархального общества, постоянно находящегося в состоянии войны со своими ближними и дальними соседями. Ворота храма-арки Януса, затворявшиеся только в мирное время, были почти всегда открыты. Военная доблесть считалась наивысшим достижением человека. Спортивные и мусические победы греческого агона чужды суровому духу римлян. Слава может быть завоевана только на полях сражений. И потому военная карьера – одна из самых престижных. Культ военных побед и бранной славы будет существовать на протяжении всей римской истории.

⁴⁴ На них могло быть изображено какое-либо божество (Марс, Юпитер, Минерва) или символ легиона. Форма их была произвольной.

⁴⁵ Давался за битву, в которой уничтожено не менее 5 тыс. врагов, за расширение границ империи.

⁴⁶ Петь полагалось не только победные гимны, но и шуточные песни, осмеивавшие самого победителя, дабы не сглазить его воинское счастье.

Культ воды

Вода – одна из важных составляющих мира римской повседневности, с ней связаны определенные традиции, стереотипы сознания и поведения людей⁴⁷. В древности римляне обожествляли воду: они считали реки и источники священными местами, населенными богами и божествами (нимфами, наядами, лимнадами и др.), почитали места их обитания (например, реку Тибр). Сакральное отношение к воде переносилось и на технические сооружения – водопроводы, колодцы, фонтаны. В праздник Фонтаналий, посвященный богу источников Фонту⁴⁸, цветочными гирляндами украшали (бросали их в воду) как природные источники, так и уличные колодцы и фонтаны. Кошунством считалось препятствовать свободному току воды, строить плотины, запруды. Природные силы олицетворяла именно свободно текущая вода, и поэтому свои инженерно-технические сооружения римляне рассматривали как продолжение русла реки. Краны были хорошо известны уже в I в. н. э., однако применялись они редко и лишь уменьшали струю воды, полностью не перекрывая ее. Ответственные лица должны «прилагать величайшее тщание к тому, чтобы в уличных бассейнах вода изливалась днем и ночью», говорится в официальном документе начала эпохи империи.

Изобилие воды – одна из характерных примет римского быта. Эта свободно льющаяся и бесцельно тратящаяся вода, однако, доставалась тяжелым трудом – строительством гигантских водопроводов, точнее, *водопроводов-акведуков*. Эти сложные технические сооружения были построены с таким расчетом, чтобы обеспечить равномерный уклон для естественного тока воды. Для этого сквозь горы пробивали тоннели, либо желоб поднимали высоко над долинами, используя арочные пролеты. Арка – конструктивная основа акведука. Ее гармоничные пропорции, сочетание арочных рядов создают определенный ритм и эстетическую завершенность, делают гидротехнические сооружения архитектурными шедеврами.

Важнейший принцип римского зодчества – грандиозность – проявился в размерах акведуков. Первый римский водопровод – «Аква Аппия» – был протяженностью 16,5 км, Марциев – 91 км, самый длинный – карфагенский – 132 км (построен при императоре Адриане). Высота акведуков достигала 30–48 м. Объем воды, который подавался в Рим в конце I в. н. э., составлял около 700 тыс. кубометров в сутки. Этот масштаб – феномен Древнего мира, сопоставим только с водоснабжением крупных столичных городов в индустриальную эпоху.

Высокий инженерный уровень акведуков резко контрастирует с «несовершенством» водопроводной сети Рима⁴⁹. Под улицами города было проложено 988 независимых сетей при наличии 7 главных водопроводов города. Для их обслуживания и эксплуатации требовалось колоссальное количество людей – 700 человек. Дело в том, что вода имела свою иерархию. Она делилась на три вида: «для общественных нужд», «именем Цезаря», «для частных нужд». Самый высокий статус – у «общественной воды». В камерах водораспределительных устройств вода делилась на три рукава таким образом, чтобы в первую очередь был обеспечен общественный канал, откуда она поступала в казармы, на местные культовые сооружения, в уличные водоразборы. В таком подходе сказывался один из коренных принципов общинной идеологии – примат общественных интересов. Вода «именем Цезаря» стояла на втором месте. Она предназначалась для фонтанов, нимфеев и терм – сооружений, подаренных народом императором. Последнее место занимала вода «для частных нужд».

⁴⁷ Этот культ подробно рассматривался у Г.С. Кнабе, М.Е. Сергеенко (*Кнабе Г. С.. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986; Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.-Л., 1964*).

⁴⁸ Фонт особенно почитался ремесленниками.

⁴⁹ *Кнабе. Г.С. Цит. соч.*

Несмотря на ее обилие, «право домашней воды» предоставлялось чрезвычайно скупое. Заинтересованное лицо должно было подать прошение на имя принцепса и вручить его сенатору. Разрешение давалось персонально, учитывая заслуги просителя. Как правило, воду формально предоставляли для орошения земельного участка. Право на домашнюю воду, согласно решению сената, хозяева сохраняли «до тех пор, пока владели землей, ради которой вода была им дана». Связь с земледелием была неслучайна, она также отвечала патриархальным нормам общественной морали, еще сохранявшим значение в классическую эпоху.

Данная практика создавала парадоксальную ситуацию: при такой системе водоснабжения происходили массовые кражи воды. Самовольное отведение воды считалось государственным преступлением и каралось конфискацией земли, значительным штрафом. Показательны в этом плане и демагогические, политические кампании по борьбе с новомодной роскошью, в ходе которых сторонники патриархальных нравов требовали запрета подачи воды в частные дома (Катон Старший и др.). Данью архаической традиции была и организация управления городским водоснабжением. Им заведовали специальные магистраты – смотрители водопроводов, по рангу приравненные к высшим сенаторским должностям: в Риме – магистрат консульского ранга, в муниципальных городах – чиновник в звании куратора. Как правило, они назначались из ближайшего окружения императора: например, Нерва – дед императора, Турпилиан – брат жены Вителлия и др. Отвечать за эту далеко не самую важную сферу коммунального хозяйства было чрезвычайно почетно.

Изобилие воды приучает римлян к определенным стереотипам поведения. Купание становится ритуалом, любимым времяпрепровождением. Ему отводится определенное время в распорядке дня. Час бани – зимой во втором часу дня, летом – в третьем по современному измерению. Он отделяет деловую, рабочую часть дня от досуга – обеда в компании друзей. Омывание состояло из отдельных процедур: парной бани, холодной и теплой ванны и натирания тела особыми маслами, которое одновременно являлось массажем. Для нагрева воды и помещений использовалась система *гипокауста* – разновидность центрального отопления.

Купальни в Риме были двух типов: общественные термы и семейные. Термы – яркий пример наличия в обществе огромных богатств, которые стекались в Рим в результате победоносных войн, получения контрибуций и эксплуатации провинций. Бешеные деньги порождали безвкусную роскошь и расточительство. Именно об этом пишет Сенека: «Любой сочтет себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают драгоценностями, если александрийский мрамор не оттеняет нумидийские наборные плиты... если кровля не из стекла... если вода льется не из серебряных кранов... И ведь все это – у простых граждан... А что если взять бани вольноотпущенников (императорских. – М.К.)? Сколько там изваяний, сколько колонн, ничего не поддерживающих и поставленных для украшения, чтобы дороже стоило?.. Мы до того дошли в расточительстве, что не желаем ступать иначе как по самоцветам»⁵⁰. Роскошные термы контрастируют с ванными комнатами былых времен – небольшими, скромно обставленными. Тот же Сенека вспоминает о бане Сципиона Африканского как о простом помещении, «узком и темном, освещенном не окнами, а какими-то бойницами», где для мытья пользовались мутной, нефилтрованной водой.

Строительство терм берут на себя императоры⁵¹: в I в. это Нерон, Веспасиан, Тит, во II – Траян, Адриан, Коммод, в III и IV вв. – Каракалла, Александр Север, Аврелиан, Диоклетиан, Константин. Термы поражают своими масштабами и роскошью: например, термы Каракаллы были размером 400 x 400 м. Они имели раздевалку, горячую, теплую и холодную бани, бассейны, залы для спорта и для публичных выступлений, комнаты отдыха, буфеты и

⁵⁰ Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.

⁵¹ Правда, первые термы нового типа подарил Риму не сам император Август, а его ближайший сподвижник Агриппа.

библиотеки. В них было проведено центральное отопление, обогревавшее огромные залы. Внутреннее оформление бань представляло немалую художественную ценность: мозаичные полы, стенные росписи, скульптура. Статуя Аполлона Бельведерского украшала некогда термы Каракаллы, а скульптурная группа Лаокоона – термы Траяна. Провинция стремилась не отстать от столицы (например, циклопические бани нынешнего Трира, более похожие на дворцы, долго не могли быть идентифицированы археологами).

Бани были излюбленным местом отдыха, непринужденного общения, занятий спортом. Их посещение – обычное времяпрепровождение мужчин и женщин. Как правило, вход был платным. Они открывались в 10–11 часов утра, для женщин обычно предоставлялись ранние часы. После 13 часов собирались мужчины, но и те и другие упорно выказывали стремление к совместному омовению в одни и те же часы. Это приводило к злоупотреблениям и скандалам. Матроны, дорожившие своей репутацией, предпочитали не посещать сомнительные заведения. Приходилось вмешиваться императорам и регулировать порядок посещения терм, однако во времена падения нравов публику было не так-то легко вернуть к жестким нормам традиционной морали. История повторялась с завидным постоянством – Адриан, Марк Аврелий, Александр Север вновь и вновь издают указы о раздельном посещении бань. Популярность терм, их повсеместное распространение свидетельствуют о наличии огромной массы людей, не обремененных трудом, об изнеженности и ленивом сибаритстве потомков некогда сурового и неприхотливого народа. Простота, скромный быт уходят в прошлое.

Помимо бань вода играет большую роль в устройстве римского жилища, создании в нем уюта и комфорта. В главном официальном помещении дома находился бассейн для дождевой воды – *имплювий*. В семейной части римского особняка во внутреннем дворе-перистиле обычно устраивались фонтаны или водоемы, где вода сбегала каскадами. И в общественных местах, и в частных домах строили также павильоны с фонтанами – *нимфеи*. (Иногда это были настоящие произведения искусства – например, нимфей в Ниме.) Здесь под мелодичный плеск и шум воды протекал отдых римлянина, здесь он встречался и беседовал с друзьями, наслаждался природой и искусством. Живая льющаяся вода была необходимым элементом эстетического оформления, представляла собой этическую ценность, являлась постоянным фоном жизни италийских городов.

Глава 6 Свободные и рабы

Становление системы

Рабство в Риме существовало с незапамятных времен. В царском Риме, а также в ранней республике оно имело патриархальный характер, было развито незначительно. Рабов насчитывалось немного, они жили и работали вместе со своими хозяевами. Родовые земельные наделы в то время невелики, достигали всего 2–4 га (считалось, что размеры поля не должны превышать возможностей его владельца). В небольшом крестьянском хозяйстве отец трудился вместе со своими детьми и практически не нуждался в дополнительной рабочей силе. Труд считался достойным занятием гражданина. Вскоре, однако, ситуация начинает меняться.

Приток богатств и дешевой рабочей силы в результате победоносных войн способствуют формированию и распространению классической формы рабства. По своим гигантским масштабам это явление не имеет аналогов и является одной из характернейших особенностей римской цивилизации.

Сурово применяя «право войны» по отношению к собственным гражданам, тем более беспощадны римляне были к врагам. Победенные не знали, что с ними будет: сохранят ли им жизнь, предадут смерти или заставят сражаться друг с другом. Тех, кого оставляли в живых, продавали на месте, либо отсылали с квестором к работорговцам. Столетия республиканских войн приносили богатые «урожаи». В Италийских и Пунических войнах были захвачены десятки тысяч пленных, а с начала II в. до н. э. счет идет на сотни тысяч (только после взятия Эпира Луций Павел продал 150 тыс. пленных). Крупнейшей вехой в истории завоевательных войн стали галльские походы Цезаря. Цезарь «убивает, забирает и продает» – хладнокровно свидетельствуют его записки. Рынки заполнили толпы рабов-варваров, плененных Цезарем. Цицерон скорбел о том, что среди варваров нет рабов, сведущих в музыке и литературе. Постепенно в Риме перестают интересоваться учетом точного количества взятых в плен, так как вкус побед уже приелся. «Сколько врагов – столько рабов» – гласит новый вариант старой поговорки.

Другой источник рабства – похищение людей. В первую очередь речь идет о пиратстве. Во II в. до н. э. оно превратилось в организованную силу, безраздельно господствовавшую на море после падения великих эллинистических держав и Карфагена. (Их флоты были уничтожены, а Рим не претендовал на звание морской державы.) Пираты, которые базировались главным образом на Киликийском побережье и Крите, владели оружием, гаванями, флотами. Они захватывали не только корабли, увозя их команды и пассажиров в рабство, но и опустошали целые районы побережья Средиземного моря – ими было занято около 400 городов. Даже в самой Италии римляне не чувствовали себя в безопасности. Зачастую демарши пиратов были направлены против высокопоставленных лиц, и в этих случаях их дерзость не знала границ: несмотря на знаки власти, они нападали на преторов, магистратов и членов их семей (в том числе похитили дочь своего главного преследователя Антония), уничтожили флот, руководимый консулом, и т. п. Борьба против них в течение долгого времени не приносила результатов. Только Помпею, которому были предоставлены особые полномочия и выделены большие воинские контингенты (в его распоряжении находилось 20 легионов и 500 судов), удалось уничтожить главные силы пиратов и в значительной степени освободить от них Средиземное море.

В эпоху царей и ранней республики существовало долговое рабство и продажа своих детей (главным образом среди плебеев). После долгой борьбы плебеев кабальное рабство было отменено. По словам Тита Ливия, это событие положило начало освобождению римского плебса. Закон Петелия, однако, касался только граждан, так как всех прочих по-прежнему лишали свободы за долги. Зачастую в кабальных рабов превращались союзники, бывшие военные герои. Особенно страдали провинции, где свирепствовали публиканы. Последние обладали «секретом» делать налоги безразмерными за счет бешеных процентов. (Контрибуция, наложенная Суллой на провинцию Азия, была выплачена вдвойне, и понадобилось в четыре раза больше средств, чтобы заплатить долг.) В счет долга забирали людей. Когда Марий по решению сената потребовал у царя Вифинии отряд солдат, то правитель ответил, что у него нет здоровых подданных, так как все они уведены откупщиками в качестве рабов. Конечно, этот одиозный факт шокировал общественное мнение – случай обсуждался в сенате, но взволновал политиков только масштаб этого явления.

Рабами становились и в силу закона. Так с древних времен наказывали тех, кто уклонялся от переписи или от военной службы. Наконец, лишались свободы лица, приговоренные к смерти. Второстепенный источник рабства – рождение в неволе, естественное воспроизводство. Рождение детей у рабов означало приумножение имущества хозяина дома, их рассматривали как приплод «говорящего скота». Колумелла, как и другие авторы, обучавшие правильному ведению сельского хозяйства, высказывался за поощрение рождения детей у рабынь, ведь дети увеличивают ценность матери. Римляне рассчитывали на них и называли этих детей *вернами* (весенними).

На протяжении многих столетий Италия оставалась основным потребителем рабов. Обычно их приобретали на рынках. В работорговле существовала целая система правил и норм⁵². Выводимым на продажу рабам мазали ноги чем-нибудь белым (полководцы зачастую носили с собой мел, чтобы отмечать пленных). Сначала проходил показ – рабов выставляли открыто на помосте или прятали в особых клетках под помостом (так делалось для неординарных «экземпляров», которые привлекали настоящих ценителей такого рода товара). Выставленные открыто имели отличительные знаки: венки на голове означали военнопленного, колпак – отсутствие гарантий со стороны продавца. На шее, как правило, висел ярлычок с указанием места рождения, возраста, способностей. Затем начиналась продажа, которая проходила в разных формах: оптом и в розницу, с аукциона или без. Рабов заставляли двигаться, проверяли их физическое состояние.

Закон защищал интересы покупателя. Последний мог подать иск о принудительном возврате или требовать возмещения убытков, если продавец утаил негативную информацию или ввел в заблуждение ложной рекламой. Работорговец был обязан объявлять о болезнях, физических пороках, определенных особенностях поведения: например, спускался ли на арену амфитеатра, пытался ли бежать или покончить жизнь самоубийством, – все это свидетельствовало о «недоброкачественности» товара. Обязательными и важными считались сведения о родине раба, о продолжительности службы: новички оценивались выше, чем ветераны, – были проворнее, покорнее воле господина, легче приспосабливались к новым условиям. Возможности обмана в торговых сделках были сведены к минимуму. Закон детально регламентировал общие и частные случаи, а поколения юристов оттачивали свой профессионализм, защищая интересы собственников.

Рабы трудились в различных отраслях и находились как в личной, так и в коллективной (общественной) собственности. Государство, города, храмы владели рабами, на которых была возложена самая грязная, тяжелая, неквалифицированная работа по обслуживанию городского (храмового) хозяйства. Они ремонтировали водопровод и канализацию, строили

⁵² Валлон А. Цит соч.

дороги и крепости, поддерживали в городе чистоту и порядок, обслуживали бани, рынки и выполняли другие общественные работы. Рабов нанимали также на низшие государственные должности: вестовых, курьеров, писцов, глашатаев, надзирателей в тюрьмах, полицейских и т. п. Эта группа имела привилегированное положение. В отдельных местах рабы могли выполнять даже жреческие функции.

В сельском хозяйстве рабский труд все более заменял труд свободных крестьян, разорвавшихся и уходивших в город. В некоторых областях, например на юге Италии и Сицилии, свободное крестьянство практически исчезло, будучи заменено легионами рабов. Они трудились повсюду: возделывали виноград, пахали землю, пасли скот, ухаживали за хозяйским садом, огородом, цветником. В больших имениях создавались специальные группы (десятки) рабов для наиболее важных работ, во главе стояли десятники. Помимо этого существовал большой штат служащих: управляющий, его помощник, надсмотрщики, сторожа, низшие руководители, мельники, пекари, ключники, птичники, пасечники и т. д. – список можно продолжать до бесконечности. В ремесленных мастерских, карьерах и каменоломнях, шахтах и рудниках работали сотни и тысячи рабских рабочих рук, чей бесплатный труд обеспечивал процветание общества.

Особую группу составляли домашние городские рабы. Их численность диктовалась только одним законом – привычкой к роскоши. Богатый образ жизни требовал содержания в доме массы ненужных слуг, причем разделение их труда доходило до абсурда: для самых незначительных обязанностей по обслуживанию господ выделялись специальные рабы. Именно о таких писал Сенека: несчастный, живущий только для того, чтобы изящно разрезать откормленных кур.

Уклад жизни богатого римского дома в классическую эпоху требовал наличия целого ряда отдельных служб. Во-первых, в доме: это привратник, сидящий на цепи (по обычаю предков), надсмотрщики за теми или иными помещениями, уборщики, докладчики и еще слуги для внутреннего обслуживания дома – хранители мебели, серебра, одежды и т. д. Затем служба при банях (домашних), начиная с истопника и кончая банщиком и массажистом. Далее у стола – рабы, отвечавшие за приглашения, убранство пиршественной залы, накрывавшие стол, разрезавшие мясо, оправлявшие ложа, пробовавшие кушанья и просто сидевшие у ног своего господина. По величине штата кухни – поваров, кондитеров, закупщиков, ключников, пекарей и их помощников – можно судить, насколько ценны были в глазах римлян гастрономические утехы. Перечисление будет не полным, если не упомянуть штат слуг вне дома – эскорт господина, состоявший из носильщиков и сопровождающих. (В Риме классической эпохи не принято было появляться без сопровождения.) Толпы рабов составляли свиту богача. Экцентричность римской знаменитости, певца Тигеллина, как описал ее Гораций, проявилась, в том числе, и в его сопровождении: то 200 рабов, то всего 10. Для их содержания требовались дополнительные рабочие руки: пекари, кухарки, ткачи, портные, сапожники, а также охрана.

Женщины также имели рабов – настоящий дом в доме: няньки, кормилицы, воспитатели детей; слуги для домашних женских работ – пряжи, ткачи, портные, куаферы и всевозможные специалисты по женской косметике. Желание блистать в обществе привело к тому, что матроны использовали выход из дома для демонстрации богатства и утонченного вкуса. Чтобы поразить многочисленностью своей свиты, они зачастую требовали у мужа «всех его рабов, целиком все его мастерские», как шутил Ювенал.

Появляются новые потребности: римляне хотят слыть образованными, демонстрировать свою эрудицию. Для этого приобретают домашние библиотеки (и штат для их обслуживания), всевозможных педагогов, учителей. Женщины покупают или нанимают грамматиков и философов, чтобы блеснуть в обществе своим интеллектом. Известен некий богатый Сабин, не страдавший от избытка учености, но вообразивший, что может купить ее: он купил

образованных рабов, «специализировавшихся» на Горации, Гесиоде и других поэтах – сидя у ложа господина, они подсказывали ему стихи для цитирования. Гротескность картины не исключает ее логичности – действие развивается в строгом соответствии с законом античного рабства, сформулированного Демокритом: «Рабов используй как части собственного тела».

Особую группу составляли рабы, ведущие дела своего хозяина или хозяйки: счетоводы, управляющие, поверенные в деликатных делах, например помощники в избирательных кампаниях. У интеллектуалов – Плиния (Старшего), Сенеки, Цицерона – были «ученые рабы». Они выполняли научно-вспомогательную работу: обрабатывали источники, аннотировали их, делали выписки, составляли библиографии и т. д. Можно было видеть образованных рабов и за более простыми занятиями: они читают своему господину, пишут за него, выполняют секретарские обязанности. По словам Плиния, даже приветствуют друг друга, «используя чужую память»: существовали *номенклаторы*, рабы, называвшие хозяину имена встречных людей.

Описание было бы не полным без упоминания еще одной особенности римского мира – рабов для удовольствия, развлечения, искусств. Когда покоренная Греция стала платить дань Риму своими художниками-мастерами, их труд перестал пользоваться уважением. О пиетете не могло быть и речи, если можно было просто купить раба-архитектора и раба-скульптора. (Кстати, римская литература у своих истоков также питалась вдохновением «рабского» творчества – первый известный римский поэт Ливий Андроник был рабом, впоследствии отпущенным на свободу.) Певцы, музыканты, актеры, как правило, являлись рабами. Богатые семьи содержали целые оркестры или актерские труппы, которые могли сдавать напрокат. Становится обязательной и дорогой принадлежностью богатых кругов так называемый «пажеский корпус»: группы юношей и девушек, подобранные по возрасту, фигуре, цвету кожи, одетые в одинаковые одежды, обученные изысканным манерам. Они служили эффектной декорацией на обеде, при приеме гостей, при выходе хозяев из дома и в хозяйской постели. Прекрасных мальчиков, стоивших целое состояние, охотнее всего ставили виночерпиями, так как гости любили вытирать руки об их кудрявые головы. Начиная со II в. пресыщенный вкус добавляет к молодости и красоте карликов, уродов, шутов. Они стали настолько популярны, что в Риме открылся даже специальный рынок «чудес природы». Карликов и уродов могли делать специально, деформируя рост и пропорции детей, растя из них особый товар для извращенных вкусов.

Количество рабов огромно: в богатом городском доме служила не одна сотня – например, 400 рабов было у Педания Секунда, городского префекта. В загородных имениях, латифундиях могло работать по несколько тысяч человек. Закон ограничивал максимальное количество невольников, отпускаемых на волю по завещанию, сотней человек. А закон эпохи Августа запрещал изгнаннику брать с собой более 20 рабов – очевидно, по тогдашним меркам это совершенно незначительное число. И наоборот, признаком крайней бедности считалось отсутствие рабов: «Нет у него ни раба, ни сумки для денег» (Катулл).

Положение раба

По римским законам раб абсолютно бесправен, он лишен «головы», т. е. не является личностью. Он – вещь и находится в полном распоряжении своего хозяина. Господин волен был обращаться с ним по своему разумению, как с принадлежавшей ему собственностью: имел абсолютное право на его труд, на его жизнь – мог наказывать, пытать или даже убить. Римские законы, в отличие от афинских, не позволяли другим вмешиваться в эти отношения. Но, как правило, владелец бережно относился к собственному «имуществу», требуя от него неустанный труд, преданности, послушания, рдения об интересах господ. Извест-

ная максима Катона Старшего гласила, что рабам ничего не следует знать, кроме работы, еды, сна и необходимости трудиться до самой смерти. Эта мораль, созданная специально для рабов, на деле предполагала систему мер устрашения и наказания. Как только им предоставляется случай, писал Плавт, «они тащат, хватают, грабят, пьют, едят и бегут». Как и в Греции, животная жизнь, где единственная радость – удовлетворение насущных потребностей, провоцировала испорченность домашней челяди, создавала целый «букет» пороков: склонность к лени, обжорству, пьянству, воровству.

Рабов становилось все больше, а свободных – все меньше. По свидетельству Тацита и Сенеки, это беспокоило власти. Страх перед многочисленностью рабов довлел не только над правительством, но и определял повседневное поведение обывателей. Лишь немногим хозяевам удавалось найти разумный подход, большинство старалось держать рабов в узде с помощью наказаний. Их арсенал был чрезвычайно велик. Самым простым средством считалась порка (в том числе розгой, палкой, плетью, ремнем, а также особыми бичами с узлами или колючей проволокой). На провинившегося раба надевали ножные, ручные и шейные оковы, заключали в сельский эргастул, а в более серьезных случаях продавали: мужчин – в гладиаторские школы, женщин – в публичные дома. Наказанием также служил самый тяжелый труд в каменоломнях или на рудниках; его называли «смерть в рассрочку».

Особенно изощренная пытка ожидала тех, кто сумел вызвать гнев своего господина или предназначался для показательной казни, рассчитанной на устрашение прочей челяди. Смерть – еще не самое страшное. Известны случаи, когда беглых рабов возвращали с арены амфитеатра: они предпочитали погибнуть от когтей хищников, чем подвергнуться мучениям у своего хозяина. В истории сохранилось имя отпущенника Ведия Поллиона, бросавшего своих рабов на съедение муренам. Владельцы рабов, в том числе императоры, редко проявляли гуманность: Август однажды приказал распять своего приближенного раба за съеденную перепелку. А для Нерона, например, развлечением были казни, во время которых осужденных в пропитанных смолой одеждах сжигали живыми – их предавали огню с наступлением темноты для «праздничного» освещения (правда, в самом известном описании массовой казни речь идет не о рабах, а о христианах, обвиненных в поджоге Рима). Дополняют перечень всевозможных жестокостей судебные пытки, служившие в Риме, как и в Греции, универсальным методом допроса.

Суровость наказаний вела к ожесточению. На все жестокости рабы отвечали мстью, побегам, восстаниями. Раб мог стать причиной гибели семьи: доносчиком в годы гражданской войны и террора, мстителем за оскорбления в мирное время. По сути дела, римский гражданин полностью находился во власти рабов, которых можно было удержать в покорности только ужасом перед грозящей расправой. Римский закон изобретает универсальный принцип защиты – круговую поруку. Если хозяин погибал от руки своего раба, то все они, живущие под крышей этого дома, считались соучастниками преступления и приговаривались к казни. Известный эпизод из римской истории – массовая казнь в 61 г. 400 человек римского префекта Луция Секунда, убитого своим домашним рабом. Вокруг нее разразился скандал, так как казнь нескольких сотен неповинных рабов, среди которых были женщины и маленькие дети, возмутила римский плебс. Случай стал предметом разбирательств в сенате, но закон не отменили, боясь создать прецедент, – настолько велик был страх перед «говорящим скотом».

Бегство – обычный способ избавления от ужасов рабства. Однако осуществить его было трудно. Беглеца искал не только хозяин, обещая вознаграждение, но и официальные власти. Пойманного клеймили, обривали голову и брови, одевали особый ошейник с указанием имени и места жительства владельца (на нем могли сделать какую-нибудь надпись, шутовую или саркастическую, например: «Держи меня, чтобы я не сбежал»). Беглого раба ждало суровое наказание, например звериная травля или распятие на кресте. Последнее

вообще было типичным видом казни, применявшейся к рабам, а крест – ее символом. Как поучал Цицерон, «самое слово – крест – да будет чуждо не только телу римских граждан, но даже их мыслям, зрению и слуху».

Только христианские императоры отменили казнь через распятие, потому что крест символизировал страдания Иисуса Христа. Яркие и впечатляющие эпизоды римской истории – восстания рабов. По масштабам их можно сравнить с гражданскими войнами. Самые крупные из них – Сицилийские войны (135–131 и 104–100 гг. до н. э.) и восстание Спартака (73–71 гг. до н. э.). Их удалось подавить с большим трудом. После разгрома восстания Спартака Красс поставил по дороге из Капуи в Рим тысячи крестов с распятыми на них пленными.

Создав мощную и по своему совершенную систему эксплуатации чужих народов, римский мир занимался этим на протяжении многих веков. Тем нагляднее результаты: разложив семью и государство, разрушив строгость патриархальной морали и профанировав труд, рабство в конечном счете стало одной из причин падения империи.

Глава 7

Женщина. Семья. обучение

В Риме женщины не имели гражданских прав и были формально отстранены от участия в государственных делах. Но положение их не было таким принижённым, как в Греции. Римлянки пользовались относительной свободой – могли появляться в обществе, ездить в гости, посещать приемы. Что касается семейной жизни, то им не грозило затворничество на женской половине дома – в Риме не существовало подобного понятия. Обычным являлось участие римских женщин в общественной жизни. Они создавали свои женские объединения (например, в Тускуле, в Медиолане), устраивали собрания, обсуждали волнующие их проблемы. В самом Риме было хорошо известно общество матрон с резиденцией на Квиринале (позднее – на форуме Траяна).

Женщины из высших слоев свободно ориентировались в вопросах политики и способны были энергично защищать свои права. Примером их политической активности осталась в истории кампания, проведенная римлянками после второй Пунической войны за отмену закона 215 г. об ограничении роскоши. Они оказывали влияние на политическую жизнь республики, а позднее и империи: лишённые права участвовать в голосовании, римлянки агитировали за того или иного кандидата, способствовали принятию тех или иных решений и законов на собраниях, вмешивались в политические интриги. О том, как проявили себя женщины в политике, напоминают имена Ливии, жены Августа, и Агриппины, матери Нерона, а также Пульхерии и Евдоксии, сестры и жены римского императора Феодосия II. В императорский период знатные и богатые женщины принимали участие в украшении своего города, сооружая на свои средства храмы, портики, театры, жертвовали деньги на организацию игр и развлечений. В благодарность городские власти ставили им памятники, объявляли своими благодетельницами. Значительна была роль женщины в государственном религиозном культе. Весталки пользовались большим уважением и почетом в римском обществе: например, глава их коллегии имела право освободить от смерти преступника, если встречала его на пути к месту казни. Возможностей получить образование у римлянок было больше, чем у гречанок. В эпоху империи многие женщины увлекались литературой, искусством, изучали историю и философию.

В древние времена в архаичном обществе сложилось представление об идеальном типе женщины как воплощении римских добродетелей – стойкости характера, трудолюбии, соблюдении чести. Уважались целомудрие, стыдливость, чистота души, супружеская верность. Особым почетом среди замужних римлянок пользовались знатные матроны, жены и матери в семьях патрициев. Во всех исторических катаклизмах они неизменно сохраняли верность своему роду, служили опорой семье и своим близким, делили судьбу со своим супругом. «Одномужние» матроны имели свой храм, воздвигнутый в честь патрицианского целомудрия, в который не допускались вышедшие замуж вдовы и разведенные жены.

Семья

Основание Рима по легенде связано с эпизодом «похищения сабинянок»: по предложению Ромула римляне пригласили на праздник соседей-сабинян и похитили их девушек. Впоследствии из-за этого началась война, но сабинянки, ставшие женами и матерями римлян, заставили врагов заключить мир. Начиная с этих легендарных времен женщина в семье пользовалась почетом и уважением, была полноправной хозяйкой. Женившись, римлянин обретал не только мать своих детей, но также подругу и союзницу, готовую разделить его

радости и невзгоды. Поэтому в Вечном городе не существовало типичного для Греции деления свободных женщин на жен и гетер.

Супружеские союзы были традиционно крепкими. При отсутствии собственных детей усыновляли чужих, как правило, своих малолетних родственников. До 445 г. до н. э. законные браки заключались только между патрициями. Закон Канулея ликвидирует эту обидную для плебейской массы дискриминацию. В соответствии с правовыми нормами брак мог совершаться в двух формах: с переходом жены под власть мужа или без перехода. Подобная регламентация регулировала имущественные отношения, так как во втором случае женщина оставалась под властью отца, не порывала связи с родительской семьей и, следовательно, не теряла права на наследство. Перейдя же под власть мужа, жена оказывалась в полной зависимости от него или от его отца. В материальном плане дееспособность женщины на протяжении многих веков была ограничена: ни владеть недвижимостью, ни самостоятельно распоряжаться ею женщина не могла. Со временем, однако, процесс эмансипации затронул и эту сферу: женщины получили возможность выбирать себе опекуна или распоряжаться имуществом через опытного раба (вольноотпущенника). В эпоху империи замужние женщины уже не нуждались в посредниках и могли самостоятельно управлять своим приданым или наследством: например, составлять завещание и т. п.

Самым торжественным видом бракосочетания был религиозный обряд *конфарреация*, предназначенный для патрицианских семей. Он состоял в особом ритуале принесения в жертву Юпитеру полбленного хлеба, совершался двумя высшими жрецами в присутствии свидетелей и имел сакральный характер. Браки плебеев заключались по иному ритуалу, напоминающему акт купли-продажи имущества: в присутствии свидетелей и должностного лица невесту «продает» ее отец (откуп). В Риме, как и в Греции, свадьбе предшествовало обручение. В Риме, однако, брачные обещания произносила невеста. Жених вручал ей как символ помолвки монету или железное кольцо (его носили на безымянном пальце левой руки). Брачный договор заключался обычно между родителями. Возрастная граница для бракосочетания – очень низкая: невесте должно было исполниться 12, а жениху – 14 лет. Но практически молодые люди женились позже, так как должны были прежде закончить учебу, начать свою карьеру, послужить в армии.

Накануне свадьбы невеста приносила в жертву богам свои детские игрушки и девичьи одежды. Свадебный наряд – простая длинная туника прямого покроя и белая тога, пояс которой завязывался особым «геркулесовым узлом». Лицо и волосы закрывало огненного цвета покрывало. Невесте делали особую прическу весталок, называвшуюся «шесть прядей». Наряд жениха – белая тога и венок на голове. Как и перед любыми важными начинаниями, ранним утром перед свадьбой проводились гадания и совершались жертвоприношения. Для всех форм римского брака неизменным являлось торжественное введение новобрачной в дом супруга, совершавшееся по определенному сценарию: оно происходило вечером в сопровождении факельного шествия. На следующий день пировали уже в доме молодоженов. До нас дошла древняя формула брака, обращение молодой жены к своему мужу: «Где ты – Гай, там я – Гайя», звучавшее обетом верности на долгие годы. (Гайя – имя жены Тарквиния Древнего, считавшейся образцом добродетельной жены.)

Семья в Риме играла роль «государства в государстве». По древнему «квиритскому» праву римлянин имел абсолютную власть над всем, что ему принадлежало. Как носитель этой власти, отец выступал в трех ипостасях: религиозный глава общины, хозяин семейной собственности, верховный судья⁵³. В первой функции, являясь главным жрецом семейного культа, он отвечал за непрерывное – из поколения в поколение – совершение религиозных обрядов, за продолжение рода и имел целый ряд прав и обязанностей, в том числе приня-

⁵³ Гиро П. Быт и нравы древних римлян. С, 2000.

тие в семью новых членов и приобщение их к семейным обычаям, опеку над собственными детьми, решение их судеб. Как хозяин в принципе неделимой семейной собственности, он распоряжался всем, что приобреталось членами его семьи. Жене или сыну фактически не принадлежало ничего, любой их доход, дарение, наследство передавались в руки отца. И наконец, он возглавлял семейный суд, который один был призван решать судьбу домочадцев. Женщины и дети были подсудны не государственному, но семейному суду. Только отец представлял членов своей семьи во «внешнем» мире и один отвечал за их действия. (Так, жена и дети, по словам Плутарха, не могли являться в суд даже в качестве свидетелей.)

В своей семье он был полным хозяином, полновластно распоряжался чадами и домочадцами, рабами и имуществом. В ранние времена отец обладал правом «жизни и смерти» в отношении собственных детей и детей своих сыновей. Он мог принять или не принять ребенка, рожденного в законном супружестве, приказать убить его или выбросить. Он судил своих детей и казнил по собственному произволу. Примеры подобного рода содержатся в римской истории: консулы Луций Брут и Тит Торкват казнили за неповиновение своих взрослых сыновей. (Общественное мнение осудило их за излишнюю жестокость.) Как свидетельствуют так называемые законы Двенадцати таблиц, глава семьи обладал правом трижды продать сына в рабство. С течением времени нравы смягчились; общество в лице народных трибунов потребовало своего участия в этом семейном трибунале, признав в юношах сынов государства. Однако право «жизни и смерти» формально продолжало существовать почти до конца римской истории.

Управление домом и воспитание маленьких детей было прерогативой хозяйки. Женщины прилагали немало усилий, чтобы наладить домашний быт. В доме, где имелись рабы, мать семейства не готовила и не убирала, ее уделом считались «благородные» занятия: пряжание шерсти и шитье из нее одежды для домочадцев. Муж не вмешивался в ведение домашних дел, так как, занятый государственной деятельностью, дома он отдыхал у очага. Об этом традиционном разделении труда писал еще в I в. Колумелла.

У римлян существовал культ «почитания матери». Гораций вспоминал, как в старину взрослые сыновья склонялись перед посохами строгих матерей. Знатным матронам, которые особенно строго блюли семейную честь, высокие почести воздавались не только домашними, но и посторонними. Мужчины уступали им дорогу, они являлись «госпожами», а их похороны с публичными хвалебными речами напоминали похороны магистратов. Образ идеальной матери в римской истории – Корнелия, мать народных трибунов братьев Гракхов, образованнейшая женщина своего времени, посвятившая себя воспитанию сыновей.

Несмотря на абсолютную власть главы семейства, римские обычаи требовали от него бережного обращения с домочадцами. Как говорили почитатели патриархальных нравов: «Кто бьет жену или ребенка, тот поднимает руку на самую высокую святыню». В случае семейных конфликтов супруги обращались к Юноне Мужеумиротворяющей, чей храм находился на Палатине. В храме они по очереди высказывали богине свои обиды и претензии и, выплеснув раздражение, с миром возвращались домой (действия супругов точно соответствовали рекомендациям современных психологов).

В первые века римской истории разводов не было, точнее, они были настолько редки, что о них практически нет упоминаний. Правда, в законах Двенадцати таблиц предусмотрены особые случаи, когда муж требует от жены отдать ему ключи. По преданию, первый юридически оформленный развод произошел спустя 500 лет после основания Вечного города (об этом сообщает Авл Геллий). В последние два века существования республики разводы становятся все более обычным явлением и происходят как по взаимному согласию, так и по инициативе одной из сторон. Безусловно, в основе этого процесса лежала возрастающая материальная и духовная эмансипация женщин. Но на рубеже тысячелетий всеобщее падение нравов и деморализация особенно губительно сказались на институте брака.

В это время римляне все чаще заключают браки по политическим соображениям и ради материальных выгод. Так, заключив политический союз, Цезарь и Помпей постарались закрепить его матримониально: Цезарь отдал Помпею в жены свою дочь, помолвленную с Квинтом Цепионом, а последнему в качестве компенсации предложили руку дочери Помпея, уже обрученную с Фавстом, сыном Суллы. Патриции и всадники с легкостью меняли жен и мужей, следуя логике политической интриги. Диктатор Луций Корнелий Сулла был женат пять раз и столько же Марк Антоний. Катон Младший уступил свою жену богачу Гортензию, а после его смерти вновь взял ее к себе, унаследовав его состояние. Разводы часто происходили по инициативе жен – именно это имеет в виду Сенека, сетуя, что женщины из благородных и знатных семей считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Измены множатся и становятся тривиальными.

Римляне перенимают греческие обычаи: римские консулы и наместники не скрывают свои связи с греческими актрисами и танцовщицами, живущими у них на содержании. Матроны предаются пьянству и распутству, подражая куртизанкам. Расцветает так называемый *конкубинат*, т. е. прочные, длительные внебрачные связи, сожителство, не признаваемое браком. Патриархальная семья с ее заветами верности и чести уходит в прошлое.

Падение нравов приобрело такие масштабы, что потребовалось государственное вмешательство. Август во время своего правления сделал попытку возродить патриархальный семейный уклад. Его законы предусматривали наказание за нарушение супружеской верности, прелюбодеяние, обязывали разведенных супругов вступать повторно в брак. Однако подобное законодательство не могло остановить дальнейшего падения нравов, тем более что для высших слоев общества пример подавали сами цезари, многие из которых прославились поистине легендарным распутством. В ряду таких одиозных фигур императоры Тиберий, Калигула, Нерон, Коммод, Гелиогабал занимают отнюдь не почетное первенство⁵⁴. Аммиан Марцеллин, историк IV в., нарисовав впечатляющую картину разложения общества, риторически восклицает: «Вот вам люди, предки которых объявили порицание сенатору, поцеловавшему свою жену в присутствии дочери!»⁵⁵. Падение нравов, однако, коснулось не всего общества. Среди провинциальной знати еще сохраняются отдельные семьи, живущие по старинке. И простые люди, по свидетельству Тацита, не ослабляют семейных уз, меняя жен, и не знают проблем с наследством.

Дети

В античности рождение ребенка сопровождалось особыми обрядами. Торжества, связанные с появлением нового члена семьи, начинались на 8–9 день (соответственно для девочки и для мальчика) и продолжались три дня. Совершался обряд «признания» ребенка: новорожденного клали на землю, и отец торжественно поднимал его, принимая тем самым в семью. Затем следовали очистительные жертвы и имянаречение. Третий день завершался пиршеством. Гости, приглашенные на торжество, делали ребенку подарки, в том числе медалионы, золотые или бронзовые фигурки, амулеты, которые вешали на шею, чтобы отвести злых духов.

Римлянин в классическую эпоху имел три имени: личное, родовое и семейное, например Марк Порций Катон, Луций Корнелий Сулла, Гай Семпроний Грах. Первоначально трехчастное имя давалось только патрициям, постепенно его получают и члены плебейских родов. Личных мужских имен в Риме было немного – около двух десятков. Семейное

⁵⁴ Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М., 1990.

⁵⁵ Катон Старший, будучи цензором, исключил из сената Мавлия за то, что тот поцеловал свою жену в присутствии дочери.

образовывалось от прозвища, закрепляемого в силу обстоятельств за той или иной семьей – Катоны, Гракхи. В республиканский период некоторые граждане получали дополнительные имена (прозвища), которые отражали их старшинство, род деятельности, победы, одержанные ими: Марк Порций Катон Старший (Цензорий), Сципион Корнелий Публий Африканский Старший и др. Прозвище могло закрепиться и как основное имя того или иного лица, остаться в истории, как это произошло с Калигулой (Гаем Цезарем Германиком) или Каракаллой (Марком Аврелием Севером Антонином). Имена правителей, принадлежавших к первой императорской династии Юлиев-Клавдиев, иногда почти тождественны: Гаем Юлием Цезарем являлся как диктатор Цезарь, так и император Август; или же Тиберием Клавдием Нероном именовался как император Тиберий, так и император Клавдий⁵⁶. Дочерей называли родовым именем отца в женской форме – Юлия, Клавдия, могли давать номера (Терция, Квинта) или определять по старшинству (Старшая, Младшая).

Официальное представление нового гражданина народу происходило после его совершеннолетия, по достижении им 17-летнего возраста. Юноша торжественно, в присутствии родителей и друзей семьи, облачался в тогу взрослого мужчины и отправлялся в их сопровождении на форум. Август изменил порядок и ввел регистрацию новорожденных в течение первого месяца их жизни. Ребенка вносили в списки граждан, указывая его свободное происхождение и подтверждая гражданские права. Регистрации подлежали также девочки как свободные гражданки.

В ранний период истории Рима матери сами кормили младенцев, в более позднее время предпочитали иметь кормилицу. Наибольшей популярностью пользовались рабыни-гречанки, так как они кормили детей одновременно «молоком и культурой». В уходе за ребенком матери помогали няньки, рабы и рабыни. До 7-летнего возраста он находился дома и проводил время в играх и забавах.

У менее счастливых сверстников жизнь складывалась иначе. «Непризнанного» ребенка умерщвляли⁵⁷ или просто бросали. С течением времени выкидывание детей практикуется все чаще, и римляне без угрызений совести избавлялись и от вполне здоровых младенцев, решая их судьбу по своему желанию, часто руководствуясь результатами гаданий, представлениями о «счастливых» и «несчастливых» рожденьях. Существовали особые «несчастливые» дни: детей, рожденных в этот день, предпочитали выбрасывать, например появившихся на свет в день гибели Германика. Ребенка могли подобрать. В этом случае найденный оказывался в неограниченной власти человека, взявшего его на воспитание. Тем не менее права отцовства сохранялись: встретив некогда брошенное дитя, отец волен был потребовать вернуть его. Закон не запрещал этого, он регулировал только отношения по поводу оплаты содержания ребенка (т. е. финансовые вопросы). Вырастая, брошенные дети могли стать свободными, но чаще превращались в рабов. Только христианство, став государственной религией, начало бороться с этой порочной практикой. Во второй половине IV в. появляются указы императоров, запрещающие бросать свободнорожденных детей, в VI в. – детей от рабыни.

Обучение

Коллективное обучение детей существовало, по свидетельству Тита Ливия, еще в период ранней республики. Оно начиналось с 7 лет. Девочки и мальчики из богатых семей учились дома⁵⁸, из менее состоятельных – посещали школу. Таким образом, девочки в Риме

⁵⁶ Последний имел дополнительное прозвище Германик.

⁵⁷ Согласно законам Двенадцати таблиц, больных и слабых младенцев следовало умерщвлять.

⁵⁸ Их обучение поручали рабу-педагогу, т. е. наставнику.

могли учиться совместно с мальчиками по одной программе. Для большинства населения было вполне достаточно «образовательного минимума» – умения читать, писать и считать. Эти навыки дети получали в начальной школе. Специальных школьных помещений не было, преподавание велось в примитивных условиях: на улице, во дворе, в комнате доходного дома. Преподаватели принадлежали к низшим слоям общества: ими были обычно образованные вольноотпущенники и рабы, как правило греки. В качестве воспитательного метода применялась розга (прогрессивные учителя осуждали это, считая розгу оскорбительной для свободнорожденных). Школьники имели каникулы, праздничные и выходные дни (*нундины*).

Уже в V в. до н. э. программа обучения была расширена: начальная школа дополнилась средней ступенью. Занятия в средней школе вел учитель-грамматик. Математические дисциплины отошли на второй план, уступив место изучению литературы, языка, истории. (Римская история изучалась своеобразно: на исторических примерах достойного поведения предков.) Уроки музыки и гимнастики как таковые отсутствовали, вместо них обучали плаванию, фехтованию, верховой езде. Все большее значение приобретает греческая система образования, окончательно утвердившаяся в I в. до н. э. Изучение греческого языка и литературы (а на более высокой ступени также философии) занимает особо важное место. На греческом говорят просвещенные латиняне, он становится показателем культурного и социального уровня. В средней школе преподавали всесторонне образованные люди (зачастую это были греки-вольноотпущенники). Однако авторитет учителя в обществе был низок, заработка малы. Ювенал замечал, что быть образованными хотят все, но как можно дешевле.

И наконец, существовала завершающая ступень образования, на которую юноша переходил в возрасте примерно 16 лет. Здесь изучались такие науки, как право, философия, риторика, последней в Риме следует отдать пальму первенства. Учиться ораторскому мастерству было необходимо для политической или судебной карьеры. Молодые люди писали речи и выступления на заданную тему, публично зачитывали их, получая замечания и указания от преподавателя – ритора. На выступления приглашались родители и друзья семьи, а рвение учеников поощрялось раздачей наград и маленькими триумфами – одобрительными рукоплесканиями публики. Большое распространение получили в эпоху империи образовательные поездки в Афины или в другие греческие культурные центры. Там молодые люди завершали свое обучение в прославленных философских и ораторских школах. Денег на подобные поездки в богатых семьях не жалели, так как заграничное образование ценилось высоко и было чрезвычайно престижно. Естественно, оно было доступно далеко не всем. В 17–18 лет молодые люди поступали на военную службу.

Обучение девочек было короче по времени, и объем знаний меньше. Интеллектуальное развитие, начитанность женщин ценились в Риме, особенно в эпоху империи. Некоторые из них даже начинают самостоятельно выступать в суде, правда, по мнению мужчин, это свидетельствует просто об их «нахальстве». Не одобряют мужчины и демонстрации женской учености, считая такое поведение несносным. Например, назойливая героиня Ювенала, «едва за столом поместившись», так сразила всех своей эрудицией, что «все вокруг нее молчали, ни юрист, ни глашатай не пикнут...». Подобные случаи, видимо, можно отнести к издержкам древней эмансипации.

Для детей рабов также существовали школы, называвшиеся в период империи *педагогами*. В них как среди учителей, так и среди учеников встречается множество греческих имен. В педагогах обучались на протяжении 6 лет, начиная с 12-летнего возраста. Образование повышало ценность рабов. Впоследствии они становились учителями, секретарями, управляющими, занимались иным интеллектуальным трудом. Истории известны имена подобных интеллектуалов, бывших некогда рабами: Тирон – секретарь Цицерона,

Палемон – один из известнейших учителей-грамматиков, Гигин – заведующий Палатинской библиотекой и др.

Глава 8

Отдых. Развлечения. Игры

Праздники

Римский календарь богат праздниками, восходящими к местным религиозным культам. С течением времени среди них выделились важнейшие общегосударственные праздники, а также локальные сельские и городские, профессиональные и семейные. Не оставалась неизменной и их программа. К древним культовым обрядам – жертвоприношениям, торжественным шествиям – добавились зрелищные действия: театральные представления, спортивные состязания, гладиаторские бои и т. п. В отличие от Греции, где праздники были посвящены главным образом почитанию богов и представляли собой одну из форм религиозного культа, в Риме они утрачивают свою сакральную сущность и становятся развлекательными мероприятиями.

Государственным праздником являлся Новый год, справлявшийся сначала 1 марта, а позднее 1 января. В этот день проходили пышные торжества, которыми отмечали вступление в должность консулов, а в императорском Риме должностные лица приносили присягу на верность императору. После официальных торжеств римляне ходили друг к другу в гости, устраивали пиры и приемы, дарили подарки. Одним из самых популярных праздников были декабрьские Сатурналии (в Греции – Кронии). По представлениям римлян Сатурн когда-то царствовал в Лации, и его правление было «золотым веком» всеобщего счастья, равенства и свободы. В память об этом легендарном времени рабы и их хозяева менялись местами: рабы пировали за столом, а хозяева им прислуживали. Сатурналии знамениты также «божьи трапезы» – пиршествами богов, изображения которых попарно размещали перед накрытыми столами.

В это время праздничной вседозволенности было принято шутить, забавляться, пировать, дарить друг другу подарки. В феврале справляли Луперкалии – праздник пастухов, когда приносились очистительные жертвы. В октябрьские Фонтаналии поклонялись источникам, колодцам и фонтанам. Во многих случаях религиозная или историческая первопричина происхождения того или иного обычая сглаживалась в памяти потомков, и праздники справлялись по традиции, что особенно характерно для местных сельскохозяйственных или семейных культов.

Широко распространены были в Риме спортивные состязания, хотя, конечно, они не достигли уровня древнегреческого агона, ставшего важнейшей составной частью культуры Эллады. Праздники, называвшиеся играми, включали в свою программу торжественные шествия, музыкальные и спортивные состязания, бои гладиаторов. Римляне были не участниками, а зрителями, наблюдателями, хотя этот статус не исключал активного эмоционального участия в мероприятиях. Первоначально игры были только цирковыми, а с III–IV вв. до н. э. в них все большее место начинают занимать сценические представления. Самые важные – Римские, или Великие, Плебейские, Мегалессии, Церералии, Аполлоновы и др., проводившиеся ежегодно. Раз в 100 лет происходят Юбилейные, или Секулярные, игры. С I в. до н. э. власти начинают устраивать официальные игры по случаю военных побед, освящения храмов, а позднее – в честь обожествленных императоров (например, Палатинские игры посвящались Августу). Часто спортивные зрелища включали в себя выступления атлетов, соревнования игроков в мяч или бегунов, театральные представления. Все большие народные празднества начинались рано утром и заканчивались с заходом солнца.

Цирк и театр

Ни один из видов спорта по своей популярности не мог соперничать с конными состязаниями. Ристания проводились в *цирках* – местах, где сосредоточивалась общественная жизнь города, кипели и бурлили страсти. Зрители азартно заключали пари, выигрывая и проигрывая целые состояния. Цирки с трибунами и ложами, подобно современным ипподромам, имели вытянутую прямоугольную арену, одна из оконечностей которой была полукруглой формы. По всей длине арены тянулась низкая стенка – спина, заканчивавшаяся островерхими коническими столбами – метами, отмечавшими старт и финиш. В течение дня проходило от 10 до 24 заездов колесниц (одновременно могло участвовать 4-12). Они мчались вдоль спины и несколько раз огибали цирк, что составляло определенное расстояние. *Колесницы-квадриги* (т. е. запряженные четверкой лошадей в один ряд) принадлежали богатым горожанам, правили ими специально обученные рабы.

В Риме существовали команды цирковых наездников, которые различались по цвету одежды: «белые», «красные», «зеленые» и «голубые». Зрители болели за определенную команду или отдельные упряжки и даже образовывали партии болельщиков. Императоры также болели за ту или иную команду. Так, Вителлий и Каракалла выбрали «синих», а Калигула, Нерон, Коммод – «зеленых». Уступая требованию народа – «хлеба и зрелищ», императоры активно строили цирки. Они имелись во многих городах Италии, а также в провинциях. Большой цирк – древнейший и самый крупный, его огромное здание вмещало до 300 тыс. зрителей (после реконструкции при императоре Траяне в начале II в.). Этот вид развлечений переживет падение Римской империи, и на востоке римского мира, в Византии цирк будет играть важную роль в политической жизни.

Римский театр, в отличие от греческого, был мало связан с религиозным культом. Не был он также и оригинальным явлением: римляне позаимствовали его отчасти у этрусков, отчасти у греков. Впервые выступления этрусских актеров прошли в середине IV в. до н. э. во время мора, когда, испытав безрезультатно другие средства, сенат решил учредить у себя «сценические игры» (по свидетельству Тита Ливия). Театральные спектакли по греческому образцу во время больших праздников стали играть начиная с 240 г. до н. э. Вначале это были трагедии и комедии, ателланы, а позже мимы и пантомимы. Ни комедия, ни трагедия не отличались национальными чертами, являясь подражанием греческим образцам. Трагедия, по мнению римских обывателей, вообще была «слишком идеальна», чтобы пользоваться всеобщей любовью. Более снисходительно зрители относились к комедии, однако и ей не отдавали предпочтения перед другими развлечениями. Широко известен эпизод с неудачной премьерой «Свекрови» Теренция: зрители ушли с первого представления, услышав о выступлениях канатоходцев и борцов, а в следующий раз – о начале боев гладиаторов.

Главное место среди сценических представлений занял мим. Текст, написанный на бытовой сюжет, не имел большого значения, актеры могли свободно импровизировать. Важная роль отводилась танцу и жесту. Нередко мимы были чрезвычайно злободневны, допускали намеки на те или иные политические события. Любили римляне и пантомиму – сюжетные картины без слов, содержание которых передают движение и танец, причем актеры выступают в масках. Представления могли посещать все без исключения, как свободные, так и рабы. Женщинам и детям разрешалось смотреть практически любые постановки – в Риме не существовало ограничений, подобных греческим. Все расходы на постановку спектаклей, как правило, брало на себя государство, при этом, в отличие от Греции, не устраивая конкурсов на лучший спектакль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.